

Вегетарианский миф

питание, справедливость и экоустойчивость

Лиэрр Кит

Перевод Татьяны Злыдённой

Публикуется с разрешения правообладателя.

Глава 1

Почему я написала эту книгу

Написать эту книгу было не просто. Для многих из вас она будет непростой и для чтения. Я это знаю. Я была веганом почти двадцать лет. Причины, по которым я выбрала экстремальное питание не только благородны, но и облагораживают. Среди них справедливость, сострадание, отчаянное и всеобъемлющее стремление изменить мир, чтобы спасти планету - последние деревья, которые пережили не одну смену веков; лоскуты дикой природы, которые по-прежнему питают исчезающие виды, облаченные в меха и перья; чтобы защитить уязвимых и бессловесных, накормить голодных. По меньшей мере, чтобы не участвовать в ужасах промышленного фермерства.

Такие политизированные страсти рождаются от голода, запрятанного так глубоко внутри, что он соприкасается с духом. По крайней мере, так было со мной, и так же я ощущаю себя сегодня. Я хочу, чтобы моя жизнь была боевым кличем, полем боя, выпущенной стрелой, проникающей в самое сердце эксплуатации: патриархат, империализм, индустриализацию, любую систему власти и насилия. Если боевые образы отталкивают вас, я могу перефразировать. Я хочу, чтобы моя жизнь - мое тело были местом, где землю уважают, а не пожирают; где тирану не дают десятины; где насилие прекращается. И я хочу, чтобы еда - первая потребность было действием, которое созидает, а не убивает.

Эта книга написана для того, чтобы развеять эти страсти, и утолить этот голод. Это не попытка осмеять концепцию прав животных или иронизировать над людьми, которые хотят, чтобы было больше доброты в этом мире. Напротив, эта книга - попытка почтить наши самые глубокие стремления к справедливости в этом мире. И эти стремления - к состраданию, к экоустойчивости, к справедливому распределению ресурсов не достигаются философией или практикой вегетарианства. Мы были сбиты с пути. У вегетарианцев, как и у Нильса с дудочкой, самые лучшие намерения. И здесь я заявляю то, что повторю позже: все, что они говорят о промышленном животноводстве - правда. Это жестоко, разрушительно и загрязняет окружающую

среду. Ничто в этой книге не предназначено для оправдания или продвижения практики промышленного производства продуктов питания на любом уровне.

Но первая ошибка заключается в предположении, что промышленное животноводство - практика, которой всего пятьдесят лет, является единственным способом выращивания животных. Расчеты по затратам энергии, потребленным калориям, недоеданию людей основаны на представлении о том, что животные едят зерно.

Животных можно кормить зерном, но это не естественное для них питание. Зерно не существовало, пока люди не одомашнили однолетние травы не более 12 000 лет назад. В то же время зубры - дикие прародители домашней коровы существуют на земле уже около двух миллионов лет. Большую часть истории человечества копытные и другие травоядные животные не составляли конкуренции людям. Они ели то, что мы не могли есть - целлюлозу, и превращали в то, что мы есть могли - белок и жир. Зерно резко увеличивает скорость набора массы мясных коров (выражение «кукурузный откорм» появилось не просто так) и производство молока молочными коровами. Но это также убивает их. Тонкий бактериальный баланс в рубце коровы нарушается - повышается кислотность, и разрастаются патогены. На исключительно зерновом питании у кур развивается жировой гепатоз - им не нужно зерно, чтобы жить. Овцы и козы, а также другие жвачные животные не должны прикасаться к зерну.

Это непонимание рождается из невежества. Невежества, которое охватывает всю длину и широту вегетарианского мифа, начиная с природы сельского хозяйства и заканчивая природой жизни. Мы городские жители индустриального общества, и мы не знаем происхождение нашей пищи. Это включает и вегетарианцев, несмотря на их активные поиски правды. Это включало и меня в течение двадцать лет. Те, кто ел мясо, закрывали глаза, а мне пришлось посмотреть фактом в лицо. Большинство людей, которые употребляют мясо, произведенное индустриальным способом, никогда не спрашивают, кто умер и как умер. Но, честно говоря, эти вопросы не задают и большинство вегетарианцев.

Правда в том, что сельское хозяйство - это самое разрушительное, что люди сделали с планетой, и больше сельского хозяйства не спасет нас. Правда в том, что сельское хозяйство требует полного уничтожения целых экосистем. Правда также в том, что жизнь

невозможна без смерти, что независимо от того, что вы едите, кто-то должен умереть, чтобы накормить вас.

Мне нужен полный отчет, отчет, который выходит за рамки вашей тарелки. Я спрашиваю обо всем, что погибло в процессе, обо всем, что было убито, чтобы положить эту еду на вашу тарелку. Это более радикальный вопрос, и это единственный вопрос, который раскроет правду. Сколько рек было перекрыто дамбами и осушено, сколько уничтожено прерий и вырублено лесов, сколько верхнего слоя почвы превратилось в пыль и развеялось, словно призрак? Я хочу знать обо всех биологических видах - не только о людях, а обо всех видах - чавыче (разновидность лососевых - прим. пер.), бизонах, сованных овсянках, серых волках. И я хочу больше, чем просто получить число погибших и исчезнувших. Я хочу их вернуть.

Несмотря на то, что вам рассказывали, и на искренность кассиров супермаркетов, употребление в пищу сои их не вернет. 98% американских прерий превратили в монокультурные поля однолетних зерновых. Плуговое возделывание земель в Канаде уничтожило 99% изначального гумуса [1]. Фактически, исчезновение верхнего слоя почвы «конкурирует с глобальным потеплением по уровню угрозы окружающей среде» [2]. Превращение тропических лесов в говядину возмущает прогрессивные силы, они вооружаются информацией и пытаются это пресечь. Но наша привязанность к вегетарианскому мифу ставит нас в неудобное положение, делает нас безмолвными и, в конечном итоге, обездвиженными, когда виновником является пшеница, а жертвой - прерия. Мы приняли как символ веры, что вегетарианство было путем спасения для нас, для планеты. Как оно может быть разрушительным?

Мы должны быть готовы услышать ответ. То, что вырисовывается из тени нашего невежества и отрицания, является критикой самой цивилизации. Отправной точкой может быть то, что мы едим, но концом - весь образ жизни, глобальная иерархия власти, и честная оценка степени личной привязанности к этому. Я помню, как в четвертом классе мисс Фокс написала на доске два словосочетания: "цивилизация" и "сельское хозяйство". Я помню, как она понизила голос, как она вкладывала смысл в каждое слово - ее объяснение было образцом красноречия. Это было ВАЖНО. И я поняла. Все хорошее в человеческой культуре вытекало из достижений, благородства и справедливости. Появились религия, наука, медицина, искусства, а

бесконечная борьба с голодом, болезнями и насилием могла быть прекращена, благодаря тому, что люди придумали, как выращивать еду.

Но реальность такова, что сельское хозяйство - это чистые убытки для культуры и прав человека, породив рабство, империализм, милитаризм, классовые разногласия, массовый голод и болезни. «Истинная проблема заключается не в том, чтобы объяснить, почему некоторые народы не спешили освоить сельское хозяйство, а в том, почему кто-то вообще занялся им, когда это так разрушительно», - пишет Колин Тадж из Лондонской школы экономики [3]. Сельское хозяйство также нанесло урон и другим видам, с которыми мы делим Землю, и, в конечном итоге, повлияло на поддержание жизни на всей планете. На карту поставлено всё. Если мы хотим сохранить жизнеспособность Земли, мы должны быть готовы исследовать взаимодействия власти, стоящие за основополагающими мифами нашей цивилизации. Пойди мы на меньшее, и крах неизбежен.

Подвергать многовековые устои сомнениям не легко для большинства. Внутренняя эмоциональная борьба присутствует в сопротивлении любой гегемонии, а зависимость от цивилизации и индивидуальная беспомощность усугубляют ситуацию. У большинства из нас не будет шансов выжить, если завтра мы лишимся современной инфраструктуры. Нашей осознанности в равной степени мешает наше бессилие. В последней главе книги нет списка "Десять простых шагов", потому что, честно говоря, нет десяти простых шагов, которые спасут землю. Никто не может решить эту задачу в одиночку. Существует взаимозависимая сеть иерархических механизмов, огромные системы власти, которым нужно оказать сопротивление, их нужно свергнуть. Мы можем спорить о том, как лучше это сделать, но сделать это мы должны, если хотим оставить Земле хоть какой-то шанс на выживание.

Всякая сила духа в современном мире будет бесполезна без достаточной информации, которая позволит взять устойчивый курс на изменения как на личном уровне, так и на глобальном. Одна из целей этой книги - предоставить такую информацию. Подавляющее большинство людей в США не выращивают пищу, не говоря уже о том, чтобы охотиться и собирать ее [4]. Мы не знаем, сколько смертей предшествовало порции салата, миске с фруктами или тарелке с говядиной. Мы живем в городской среде, слыша последние отголоски звуков леса, в тысячах миль от загрязненных рек, прерий, болот и

миллионов существ, погибших за наши обеды. Мы даже не знаем, какие вопросы задавать, чтобы это узнать.

В своей книге «Долгая жизнь, мед в сердце» Мартин Претчел пишет об индейцах майя и их концепции “кас-лимал”, что можно перевести как «взаимный долг, взаимная поддержка» [5]. «Осознание того, что каждое животное, растение, человек, ветер, время года обязаны плодам всего остального - это уровень взрослых. Освободиться от обязательства означает, что вы не хотите быть частью жизни и не хотите становиться взрослым», - объясняет Претчелу один из старейшин.

Единственный выход из вегетарианского мифа - это стремление к *кас-лималу*, зрелому пониманию. Мы нуждаемся в этой концепции, особенно те из нас, кто страдает от несправедливости. Мне она также была нужна. В моей личной истории первый кусок мяса после двадцатилетнего перерыва знаменует конец моей юности, того момента, когда я приняла на себя обязанности взрослой жизни. Это был момент, когда я перестала бороться с простой арифметикой существования: чтобы жил один, кто-то другой должен умереть. В этом принятии, со всеми страданиями и скорбью, заключается способность выбирать другой путь, лучший путь.

У фермеров-активистов совсем другие планы по сравнению с писателями-полемиками - перевести нас от разрушения к устойчивости. Фермеры начинают с совершенно иной информации. Некоторые вегетарианские активисты считают, что на 1 акре (1 акр = 40 соткам - прим. пер.) земли можно содержать только двух кур. Джоэл Салатин, один из столпов экоустойчивого фермерства, сам разводит кур, и его статистика - 250 птиц на акр [6]. Кому верить? Сколько из нас знают достаточно, чтобы хотя бы иметь свое мнение? Фрэнсис Мур Лаппе утверждает, что требуется от 12 до 16 фунтов зерна, чтобы получить 1 фунт говядины [7]. Тем временем Салатин разводит крупный рогатый скот без зерна вообще, его коровы пасутся на многолетних поликультурах, год от года увеличивая верхний плодородный слой почвы. Городские жители постиндустриального общества не имеют контакта с зерном, курами, коровами и, поэтому, с верхним слоем почвы. У нас нет опыта, который бы позволил обоснованно возразить аргументам политических вегетарианцев. Мы понятия не имеем, чем и в каком количестве питаются растения,

животные или почва. Это означает, что мы также не представляем, что едим сами.

Борьба с промышленным животноводством - жестоким обращением с животными, его вредом для окружающей среды была для меня, шестнадцатилетней, делом высокой важности. Я знала, что Земля умирает. Она находится в чрезвычайной ситуации изо дня в день, и противостояние этому остается делом моей жизни. Я родилась в 1964 году. «Безмолвие» и «весна» были неразделимы: 6 слогов, а не два слова. Ад был на земле - на нефтеперерабатывающих заводах в северной части Нью-Джерси, в заасфальтированной преисподней расползающихся пригородов, среди растущего наплыва людей, тянущих планету ко дну. Я плакала вместе с героями Коди "Железный Глаз", изнывала в тоске по его бесшумному каноэ и нетронутой земле с реками и болотами, птицами и рыбами. Мы с братом взбирались на старую дикую яблоню в местном парке и мечтали о том, как бы купили целую гору, куда был бы запрещен вход для людей. Кто бы там жил? Белки - это всё, что я могла придумать. Не смейся, читатель! Кроме Бобби, нашего домашнего хомяка, белки были единственными животными, которых я когда-либо видела. Мой брат продолжал совершенствоваться в мужественности - пытал насекомых и стрелял из рогатки по воробьям. А я стала веганом.

Да, я была слишком чувствительным ребенком. Моей любимой песней в пять лет - и тут можно смеяться - была песня Мэри Хопкин «Былые дни». Какое романтическое, трагическое прошлое я оплакивала в пять лет? Но это было так грустно, так тонко. Я слушала эту песню снова и снова, пока не падала без сил от слез.

Со стороны это выглядело забавно. Но над той болью, которую я испытывала, наблюдая в бессилии за разрушением планеты, я смеяться не могу. Это было реальностью, и это разрывало меня изнутри. И тут политические вегетарианцы предложили отличный выход. Тогда я не понимала природы сельского хозяйства, природы самой природы и, конечно, природы самой жизни. Тогда я не могла знать, что как бы ни были благородны их мотивы, их решения были тупиковыми и также приводили к разрушениям, которые я жаждала остановить.

Вегетарианский миф пронизан невежеством и тщетными попытками. В течение двух лет после возвращения к употреблению мяса, меня тянуло читать веганские онлайн форумы. Я не знала, почему. Я не хотела вступать в споры. Я никогда не писала сама.

Многие небольшие, но активные субкультуры имеют элементы культа, и веганство не является исключением. Возможно, меня туда тянули мои собственные заблуждения - духовные, политические, личные. Возможно, я снова приходила на место происшествия: именно там я разрушила свое тело. Возможно, у меня оставались вопросы, и я хотела посмотреть, смогу ли я противостоять ответам, за которые я когда-то крепко держалась, ответам, которые тогда казались правильными, но теперь обернулись пустышками. А может, причины были совсем в другом. Но каждый раз я испытывала тревогу, гнев и отчаяние.

Однако, один пост стал поворотным. На форуме веган продвигал идею не убивать животных - не людьми, а другими животными. Кто-то должен был построить забор посреди Серенгети (национальный парк в Танзании - прим. пер.) и отделить хищников от травоядных. Убийство - это неправильно, и никакие животные не должны умирать, поэтому крупные представители кошачих и псовых были бы на одной стороне, а антилопы и зебры - на другой. Он считал, что с плотоядными животными все будет в порядке, потому что они не должны быть плотоядными. Эту ложь породила мясная индустрия. Он как-то видел, как его собака ела траву, и сделал вывод, что собаки могут жить на траве.

Никто не возражал. Нашлись и единомышленники. "Моя кошка тоже ест траву", - добавила одна женщина, полная энтузиазма. "Как и моя!" - вставил еще кто-то. Все согласились, что стена является решением проблемы смерти животных.

Обратите внимание, что местом для этого освободительного проекта была выбрана Африка. Никто не упомянул североамериканскую прерию, где хищники и жвачные животные были истреблены, чтобы освободить земли для однолетних зерновых, которые так ценят вегетарианцы. Но я вернусь к этому в главе 3.

Я знала уже достаточно, чтобы понять, что это было безумием. Никто в этом форуме не видел ничего плохого в этом решении. Итак, исходя из теории, что многим читателям не хватает знаний, чтобы здраво оценить этот план, я восполню этот пробел.

Плотоядные животные не могут выжить на целлюлозе (клетчатка, основной компонент клеток растений - прим. пер.). Иногда они могут есть траву, но используют ее в лечебных целях, обычно в качестве слабительного средства, чтобы очистить желудочно-кишечный тракт от паразитов. С другой стороны, жвачные животные эволюционировали,

чтобы есть траву. У них есть рубец - первый из нескольких желудков, который работает как бродильный чан. Внутри коровы или зебры на самом деле едят траву бактерии, а животные питаются этими бактериями. Львы, гиены и люди не имеют пищеварительной системы жвачных животных. Буквально от зубов до прямой кишки мы созданы для мяса [8]. У нас нет механизма переваривать целлюлозу.

Поэтому на стороне хищников все вымрут от голода. Некоторые продержатся дольше, а кто-то закончит свои дни как каннибал. У падальщиков наступит что-то вроде Масленицы перед Великим постом, но обглодав последние кости, они также вымрут. На этом череда смертей не закончится. Отсутствие травоядных на стороне хищников превратит землю в пустыню.

Почему? Потому что без травоядных, которые выравнивают поля своими копытами, многолетние травы разрастутся и затенят основную точку роста у основания растений. В такой хрупкой среде, как Серенгети, вырождение, в основном, происходит из-за физических факторов (выветривание) и химических (окисление), а не бактериальных и биологических, как во влажной среде. Фактически, жвачные животные принимают на себя большинство биологических функций почвы, переваривая клетчатку и возвращая питательные вещества в биодоступной форме в виде мочи и кала.

Но без жвачных животных слой сухих трав будет уплотняться, мешая свежей зелени пробиваться на свет, и растения начнут вымирать. Голая земля теперь будет подвергаться воздействию ветра, солнца и дождя, минералы будут вымываться, а структура почвы разрушится. В нашей попытке спасти животных мы убьем все живое.

На стороне травоядных сначала антилопы и их соплеменники будут размножаться так же эффективно, как и всегда. Но без вмешательства хищников быстро травоядных станет больше, чем травы. Животные опередят свой источник питания, съедят растения подчистую, а затем умрут от голода, оставив после себя сильно обедневший ландшафт.

Урок здесь очевиден, и он достаточно глубок, чтобы положить начало новому верованию: мы являемся пищей, но нам также нужно кого-то есть. Травоядные животные нуждаются в ежедневной клетчатке, но трава также нуждается в животных. Ей нужен навоз с его азотом, минералами и бактериями; необходимо механическое

воздействие на землю; и ей нужны элементы, содержащиеся в телах животных, которые они отдают после своей смерти.

Трава и травоядные нуждаются друг в друге так же, как хищники и их добыча. Это не односторонние отношения и не договор о доминировании и подчинении. В поедании одного вида другим нет эксплуатации. Мы лишь стоим в очереди, пока не придет наш черед.

Это было моим последним посещением веганского форума. Тогда я осознала, что люди, столь глубоко неосведомленные о природе жизни с ее круговоротом минералов, торговлей разрешениями на загрязнение окружающей среды, исторически сложившимся балансом между производителями, потребителями и разрушителями, не могут подавать пример или же принимать взвешенные решения для поддержки экоустойчивого общества. Отворачиваясь от ответственности, свойственной зрелым людям, которая содержит знание, что смерть есть неотъемлемая часть жизни каждого существа - от бактерий до медведей, люди никогда не смогут утолить эмоциональный и духовный голод, охвативший и меня от этого осознания. Возможно, книга и есть попытка удовлетворить этот голод.

У меня были и другие причины для написания книги. Одна из них скука. Я устала от одних и тех же обсуждений, особенно когда они не легко даются. Вегетарианцы могут выразить суть своей программы в нескольких звуках - «Мясо - убийство» - и предлагают поверхностные решения, основанные на том, что для производства фунта мяса нужно 16 фунтов зерна. Я могла бы придумать свои собственные лозунги - «Монокультурное земледелие убивает»? «Восстание миллионов бактерий»? - но они будут непонятны широкой публике. Я должна начать с самого начала, с белков, которые образовали первые формы жизни, затем перейти к фотосинтезу, растениям, животным, бактериям, почве и, наконец, сельскому хозяйству. Я назвала этот нарратив «Микробы, навоз и монокультуры», и мне нужно минут тридцать только для вступления, которое по сути является начальным образованием о природе жизни. И да, эту информацию - материальную, эмоциональную, духовную нам всем следовало

получить еще в четыре года. Но кто мог научить нас этому? И, похоже, все проблемы нашего общества отражены в этом вопросе.

Но не только объем информации делает эту тему такой сложной. Часто слушатель просто не хочет слышать, и сопротивление может быть очень сильным. «Вегетарианец» - это не только вид питания и набор убеждений. Это то, кем становится человек, происходит полная трансформация личности. Представляя более полную картину продовольственной политики, я не просто подвергаю сомнению философию вопроса и набор диетических предпочтений. Я угрожаю самосознанию вегетарианца. И большинство из них будет реагировать, защищаясь и атакуя. Я получила письмо, наполненное ненавистью, как только я начала работу над книгой. И нет, спасибо, мне больше этого не нужно.

Я также пишу эту книгу как предостерегающий рассказ. Вегетарианская диета, особенно с низким содержанием жиров и особенно веганская, не является полноценным питанием для долгосрочного поддержания и восстановления человеческого организма. Выражаясь более прямолинейно - это вредно. Я познала это на собственном опыте. Через два года растенеедства мое здоровье ухудшилось, и ухудшилось катастрофически. У меня развилось дегенеративное заболевание суставов, которое я буду иметь до конца жизни. Болезнь началась весной как странная, тупая боль так глубоко, где, я думала, нет нервных окончаний. К концу лета казалось, что мой позвоночник прошили шрапнелью.

Последовали годы все возрастающей боли и все более разочаровывающих визитов к специалистам. Потребовалось пятнадцать лет, чтобы получить диагноз, а не сочувственные поглаживания по голове. Медицине неизвестны случаи разрушения позвоночника у подростков, поэтому, несмотря на мое прекрасное описание симптомов, ни один врач не мог предположить дегенеративное заболевание позвоночных дисков. Теперь у меня есть фотографии и уважение врачей. Мой позвоночник выглядит как после неудачного приземления с парашютом. С точки зрения питания, можно сказать, так и было.

На седьмой неделе веганства я получила первый опыт гипогликемии, но я узнала, как это называется, только через восемнадцать лет, и это стало частью моей жизни. Через три месяца такого питания у меня прекратились месячные, что должно было стать

подсказкой. Тогда же я стала испытывать упадок сил, который лишь набирал обороты вместе с чувством постоянного озноба. Моя кожа шелушилась от сухости, а зимой так сильно чесалась, что я не могла спать по ночам. В двадцать четыре года у меня развился гастропарез (расстройство пищеварения, характеризующееся снижением активности мышечного аппарата желудка - прим. пер), который диагностировали и стали лечить, только когда мне исполнилось тридцать восемь лет - тогда я нашла врача, который работал с последствиями веганских диет. Четырнадцать лет я жила с постоянной тошнотой, и до сих пор я не могу есть после 5 вечера.

Затем пришли депрессия и повышенная тревожность. Я родом из длинной и почтенной линии депрессивных алкоголиков, так что я явно унаследовала не лучшую генетику психического здоровья. И меньше всего я нуждалась в несбалансированном питании. Веганизм не был единственной причиной моей депрессии, но он значительно поспособствовал. Шли годы, мир состоял из бессмысленной серой массы и казался бесконечным в своем однообразии, прерываемым лишь случайной паникой. Я часто впадала в состояние беспомощности. Если я не могла найти ключи от дома, я забивалась в угол гостиной и сидела там неподвижно, как будто на краю Пустоты. Как дальше жить? Зачем все это? Ключи были потеряны, как и я, как и мир, космос. Все рухнуло, стало пустум, бессмысленным, невыносимым. Я знала, что это противоречило здравому смыслу, но я не могла остановиться, пока не оказывалась на самом дне. Теперь я знаю, что со мной было. Серотонин производится из аминокислоты триптофана. Не существует хороших растительных источников триптофана. Кроме того, весь триптофан в мире не принесет вам пользы без насыщенного жира, который необходим для того, чтобы ваши нейротрансмиттеры работали. Все эти годы эмоциональный коллапс не был частью моего характера; причины были биохимическими, хотя источником была я сама.

Есть ли что-нибудь столь же скучное, как проблемы со здоровьем других людей? Я постараюсь быть краткой. Мой позвоночник не восстановился. Но употребление в пищу продуктов животных на свободном выпасе немного уменьшило дегенерацию и снизило боли. Мои инсулиновые рецепторы также повреждены, но белково-жировое питание поддерживает уровень сахара в крови стабильным. За 5 лет не было сбоев в менструации, хотя, если у меня возникнет рак

репродуктивных органов, я обвиню сою. Мой желудок в порядке - не полностью здоров, но в порядке, если я принимаю бетаина гидрохлорид (препарат, повышающий кислотность желудочного сока - прим. пер.) с каждым приемом пищи. Благодаря моей духовной практике и богатой питательными веществами диете у меня теперь нет депрессии, и я благодарна за это каждый день. Но постоянный озноб и слабость никуда не делись. Бывают дни, когда просто дышать уже тяжело.

Вам не нужно ставить подобный эксперимент на себе. Вы можете учиться на моих ошибках. Все друзья моей юности были радикальными горячими борцами за справедливость. Вегетарианство было очевидным путем, а веганство - главной дорогой. И те из нас, кто придерживался вегетарианства долго, оказались повержены. Если я ставлю под сомнение ваш образ жизни, вашу личность, вы можете почувствовать растерянность, страх и гнев, читая эту книгу. Но поверьте мне на слово: вы не хотите стать такой, как я. Я прошу вас остановиться, прочитав эту книгу и изучив ресурсы в приложении. Пожалуйста. Особенно, если у вас есть дети или вы хотите, чтобы они у вас были. Отбросив гордость, я вас не просто прошу, я умоляю.

Курильщики знают, что бывших не бывает. Желание принести Благою весть, похоже, связано с жаждой спасения или, в их случае, с жаждой кислорода. Я приложила все усилия, чтобы избежать тона морального превосходства и быть услышанной. Я надеюсь, у меня получилось. В любом случае, я предпочла бы быть полезной, чем правой. Особенно учитывая будущее, которое на нас надвигается, и сколько поставлено на карту. Основные ценности, которые чтят вегетарианцы - справедливость, сострадание, экоустойчивость являются единственными ценностями, которые создадут мир взаимопонимания вместо господства; мир, где люди относятся к каждому существу - к каждому камню, каждой капле дождя, всем нашим мохнатым и пернатым собратьям со смирением, благоговением и уважением; мир, способный справиться с насилием, имя которому

“цивилизация”. В надежде, что такой мир возможен, я написала эту книгу.

Глава 2

Моральные вегетарианцы

Начнем с яблока. Такое миролюбивое, так и просится в рот, считают фруктарианцы, которые пытаются жить на одних плодах, если не умирают в процессе. Некоторые растения окружают свои семена сладкой мякотью привлекательных цветов, чтобы животные захотели их съесть и перенесли семена на новую, потенциально плодородную почву. Животные выполняют ту работу, которую не могут делать растения, прикрепленные к одному месту, - расселить потомство на новых просторах.

Поэтому есть яблоки - абсолютно нормально для моральных вегетарианцев, так как никто не умирает. По крайней мере, так принято считать.

Первая проблема заключается в том, что люди не способствуют распространению семян. Мы их выбрасываем. Мы сознательно удаляем сердцевину и выбрасываем косточки - в промышленных странах это означает запечатывание в полиэтиленовый пакет, который будет погребен на свалке. Или фабрики выжимают и измельчают для нас фрукты, превращая их в сок или пюре, выбрасывая кожуру и косточки никак не рядом с хорошей кучей навоза [1].

Или, если мы чрезвычайно экосознательны, мы бросаем семена в кучу компоста, где их убивают время, тепло и бактерии. В конце концов, одна из целей любого хорошего компоста - убить все оставшиеся семена.

Ни о чем таком дерево не мечтало.

Дерево преподносит свои плоды не из добрых побуждений. Это выгодная сделка, и, хотя мы пожали друг другу руки и получили свое, мы не выполнили свою часть договора.

В этом аргументе есть явный антропоцентризм, который тем странен, что исходит от людей, придерживающихся политики освобождения животных. «Плодовое дерево дает мне пищу, и я возвращаю его семена природе, чтобы могли вырасти другие деревья», - пишет один вегетарианец [2]. Но он не возвращает семена природе. Почему нам, людям, разрешено брать, не давая? Разве это не

называется эксплуатацией? Или, по крайней мере, воровством? Плоды не являются «единственной свободно доступной пищей» [3]. Плоды созданы не для людей. Смысл их существования в семенах. Причина, по которой дерево расходует такие огромные ресурсы, накапливая волокна и сахара, заключается в том, чтобы обеспечить наилучшее будущее для своего потомства. А мы берем это потомство, которое дерево заботливо запеленало в сладость, и убиваем его.

Вегетарианцы не хотят этого слышать, по крайней мере, те, кого я называю моральными вегетарианцами. Существуют и другие ответвления вегетарианства - политические вегетарианцы, которые считают, что растительная диета более справедлива и экоустойчива, и вегетарианцы-нутрицисты, которые считают, что продукты животного происхождения являются главным источником зла в питании, - я расскажу об этом в последующих главах. Но моральный аргумент - это громкий призыв, который объединяет большинство вегетарианцев в борьбе за правое дело. Это то, что долго не позволяло мне изучить со всех сторон или хотя бы подвергнуть сомнению мою веганскую диету, несмотря на свидетельства, что мое здоровье ухудшалось. Я хотела верить, что моя жизнь, мое физическое существование возможны без убийства, без смерти. Но это не так. Без смерти нет жизни.

Раз яблоки встречаются во многих сказках, то давайте пойдём за их крошками через лес, наполненный зрелыми плодами. И тут мы обнаружим вторую проблему: в природе нет яблок. Яблони одомашнены. Первые яблони, известные как *Malus sieversii*, появились в горах Казахстана, и они были горькими.

«Представьте, что вы вонзаете зубы в терпкий картофель или размякший бразильский орех, покрытый плотной кожей, - пишет Майкл Поллан, пробуя на вкус настоящие дикие яблоки, - При первом укусе некоторые из этих яблок подкупают вкусовые рецепторы знакомым вкусом. Это же яблоко! Но тут же этот вкус оборачивается горечью, настолько сильной, что мой живот сводит от одних воспоминаний» [4].

Почти все знакомые нам плоды не отличаются от яблок - их дикие предшественники практически несъедобны для человека.

«Плодовое дерево дает мне пищу, и я возвращаю его семена природе, чтобы могли вырасти другие деревья» [5]. Правда? Вы, правда, так думаете? Большинство деревьев, которые дают съедобные плоды - и, определенно, яблони - не растут из семян. Если бы вы на

самом деле попытались вырастить яблоню из косточки, то получилась бы дичка, плоды которой практически несъедобны для человека. Фруктовые деревья выращивают из черенков, а не из косточек [6].

«Естественная» пища человека не существует в природе. Если мы сейчас затерялись голодными в лесу с несъедобными плодами, то это потому, что мы выбрали неверный моральный ориентир.

Если предположить, что существует «пища в свободном доступе», то должен существовать и дающий эту пищу - дерево, лоза, стебель пшеницы. Верить в пищу, которая не требует «убийства и воровства у животных и растений» [7] означает признать, что растения и животные любят свою жизнь и свои части тела, будь они волокнистыми или мускулистыми, но не свое потомство? Аргумент тут же потерпел поражение. Если мы верим, что они чувствуют, почему отрицаем чувства их потомства? Если красть у растения неправильно, то почему убийство плода не является еще более неверным? Истина одна. Либо есть даритель - существо, которое заслуживает нашей взаимности, либо его нет. Если проблема в убийстве, то нужно учитывать, что жизнь одной коровы свободного выпаса, будет кормить меня целый год. А одно веганское блюдо, сделанное из детей растений - рисовых зерен, миндаля, соевых бобов, размолотых или сваренных заживо, повлечет за собой сотни смертей. Почему они не имеют значения?

«Я не ем то, у чего есть мать или лицо», - это было одним из моих стандартных заявлений. Но у каждого живого существа есть мать. У некоторых из них также есть отцы. Думаете, я этого не знала? Я имела в виду следующее: я не буду есть того, кого воспитывала его собственная мать, что означало, в основном, птиц и млекопитающих, хотя я также не ела и морепродукты. Некоторые существа отдают свои жизни, чтобы произвести потомство. Это означает, что они не могут быть рядом, чтобы воспитывать детей, но означает ли это, что они любят свое потомство меньше? Это проявление материнства, а иногда и отцовства, как наивысшей жертвы. Разве это не означает, что они любят свое потомство даже больше? И предположим, что ваша мать не любила вас: значит ли это, что ваша жизнь по сути стоит меньше?

Теперь про лицо. Почему обладание лицом определяет, кто имеет значение, а кто нет? На самом деле это определяет, кто больше похож на людей, а кто меньше: кто к нам ближе? И снова антропоцентризм, этическая система, основанная на том, насколько живое существо похоже на человека. Почему это имеет значение?

Почему человек является тем мериллом, которое определяет, кому жить, а кому умирать?

Яблоко падает с дерева. Вкушая его сладость и, несмотря на неискренние заявления об обратном, мы убиваем его потомство. Можно утверждать, что в стародавние времена люди действовали как неосознанные сеятели, выплевывая или откладывая под кустик семена, которые могли бы пустить корни. Мы не всегда крали у яблони или убивали ее потомство. Возможно, если бы убрали весь асфальт, а землям вернули первобытное состояние, то основополагающая взаимопомощь между человеком и яблоней восстановилась бы естественным образом.

Но люди не могут жить на одних яблоках. Вегетарианская мораль предписывает, что все семена - орехи, зерна рассматриваются как свободно дарованные. У этих семян нет вкусной мякоти, в которую спрятаны "дети" растения. Люди едят сами семена. Я помню свои рассуждения: однолетние травы умирают в любом случае во время сбора урожая, так что я никого не убивала. Но проблема, в том, что я ела не ту часть, которая умирает - стебель - люди не могут переваривать целлюлозу. Я ела именно ту часть, которая очень хотела жить - семя. На самом деле, они так хотят жить, что даже через тысячи лет забвения некоторые из них способны прорасти. Кто может сказать, что это существо, которое не любит жизнь?

По своему опыту я знаю, что способность растений чувствовать является излюбленным аргументом противников вегетарианства. Я также знаю, насколько самодовольны и враждебны большинство из них. Идея уважения к растениям для них так же нелепа, как и идея уважения к животным. С тем же успехом они могли бы защищать и дьявола. Но я не защищаю дьявола. Он и без меня отлично справляется. Я лишь серьезно подхожу к решению этих проблем. Я слышу просьбу вегетарианцев, которая граничит с мольбой: "Позволь мне жить без вреда для других. Пусть моя жизнь станет возможной без смерти." Эта мольба включает в себе как неистовую нежность, так и страстное отвращение. Любовь существует для всех созданий, а ужас садизма - только для людей. Эта молитва пульсирует во мне, как еще одно сердце. Но то, что отделяет меня от вегетарианцев - не этика или обязательства, а информация.

Потому что у меня был яблоневый сад, и я знала, что было нужно яблокам. Я могла пойти в местный садоводческий магазин и купить

мешок органических удобрений для фруктовых деревьев и остановиться на этом. Но не в моем характере пропускать мелкий шрифт. Я хочу все знать. Я читаю этикетки. Моя желание вести достойную жизнь, честную и этическую жизнь, побудило меня начать выращивать как можно больше своей еды. Я знала, что существуют три наиболее важные действия, направленные на защиту экологии, на которые способен каждый: не рожать детей, не водить машину, выращивать себе еду. Основная причина, вызывающая беременность, отсутствовала в моей жизни, я была слишком бедна, чтобы иметь машину, поэтому оставалось только начать выращивать еду.

Свой первый огород я создавала не от нужды. Идея садоводства пришла ко мне как озарение. Если у вас была депрессия, тогда вы знаете, что если что-то вызывает хоть какие-то чувства - это сродни чуду. Там, где мир был вечно серым и однообразным, сад привнес новые краски. Преобладал зеленый. Я заворачивала крошечные семена во влажную ткань, и через два дня из каждого из них проклевывался маленький росточек, робкий, как надежда. Они хотели жить, и я тоже. Я проводила долгие ночи в Новой Англии (Северо-Восток США - прим. пер.) под тяжелыми одеялами, сплачиваясь с физической болью, которая никогда не кончалась, а только затихала, и с депрессией, которая, подобно холоду, была повсюду и всегда голодна. Только голова и одна рука выглядывали из-под одеяла, принимая на себя удар неприветливого холода. В руке я держала каталог семян, как белый флаг, вопрошающий о пощаде. И сад ее принес. Все росло, плелось, цвело, приносило плоды. Это была затяжная и тихая песнь зеленого цвета, бесконечный круговорот жизни, который был намного больше меня, моей боли. Я нашла утешение в саду, он приносил внезапные моменты радости, которые возникали удивительным образом, как фиалки или васильки, расцветавшие каждую весну без моего участия.

Я открыла для себя журнал "Органическое садоводство" и, что еще лучше, в библиотеке я получила доступ к старым выпускам. Я прочла их все. Я испещрила записную книжку своим мелким аккуратным почерком. Я была так наивна. Как я могла не знать, что помидоры можно высаживать только после окончания заморозков? В День памяти я сделала эту запись, которую потом подчеркнула. Как я могла не знать, что бобовые нельзя пересаживать, и что львиный зев является однолетним?

С моим позвоночником я не могла копать, поднимать тяжести и выполнять другую серьезную физическую работу. Но это было и хорошо. С самого начала я искала наиболее радикальные и экоустойчивые методы земледелия. Рут Стаут стала для меня откровением [8]. Так же как и пермакультура [9]. Я делала широкие грядки, обсыпала их мульчей. Я создавала верхний плодородный слой почвы сверху вниз, как и сама природа. Я не перепахивала землю, не обнажала почву, не перекапывала дважды. Осознание того, что необходимость этих методов была продиктована выращиванием однолетних зерновых - самой сутью сельского хозяйства я оставила на потом.

Были и другие вещи, которых я не знала - даже более простые, чем зоны посадки и периоды вегетации. Это было знание, которое я искала, но от которого отказывалась: я была не единственным, кому нужно было есть. Растения тоже были голодны. А также почва. "Удобрите и питайте почву," - призывали книги по садоводству. Почве нужно есть? Что такое почва? Она, что, тоже живая?

Одна столовая ложка почвы содержит более миллиона живых организмов, и, да, каждый из них должен есть. Почва - это не просто грязь. Квадратный метр верхнего слоя почвы может содержать до тысячи различных видов животных [10]. Например, 120 миллионов нематод, 100 000 клещей, 45 000 ногохвосток, 20 000 энхитреидных червей и 10 000 моллюсков [11].

Все эти крошечные существа живут внутри и вокруг гумуса, который представляет собой комбинацию гуминовой кислоты и полисахаридов. «Никто не знает, как образуется гуминовая кислота, но после ее образования она действует как живое вещество», - пишет Стивен Харрод Бухнер [12]. И тут тоже жизнь. Как глубоко вниз нужно копать, чтобы перестать находить живых существ? Ведь я не могу убивать живое. Я прочитала, что «малые формы живых существ живут в основном в водной среде даже в почве - в воде, задерживающейся между частицами почвы» [13]. Под моими ногами был целый мир, мир, в котором был свой океан. Мир, где кипела настоящая работа жизни - образование и распад. Такие животные, как я были просто потребителями, путешествующими автостопом по жизни. Я не могу фотосинтезировать - превращать энергию солнца в материю, и не могу превращать материю обратно в углерод и минералы. А другие могут и

делают, и благодаря им жизнь на Земле стала возможной. Меня создали с простым функционалом.

Но я построила всю свою моральную систему и свою идентичность на убеждении, что моя жизнь не требует смерти. Чем больше я узнавала, тем больше вопросов я должна была игнорировать, если хотела сохранить эту этическую директиву, которая вроде бы должна была защищать истину. Имеет ли значение жизнь нематод и дрожжей? Почему нет? Потому что они слишком малы, чтобы я могла их видеть? Потому что они на другой стороне интеллектуальных баррикад? Но я должна была быть одной из тех храбрецов, которые отказываются укреплять эти баррикады, кто не ставит людей выше животных в иерархии, кто почитает Природу (с большой буквы "П") и всех живых существ.

Но это включало только тех существ, которые были похожи на меня определенным, очень специфическим образом. Эта информация открывалась мне как крошечные озарения, каждый новый фрагмент мерцал как светлячок. Моменты просветления указывали на существование темного леса, в который я отказывалась входить. Вместо этого я продолжала тяготеть к тому, что знала - розарий статистики стал моим искуплением и защитой. Фунты зерна, галлоны воды, пустые животы. Я была на стороне праведности, и, как любой фундаменталист, я могла оставаться там, только избегая факты.

Гуминовая кислота - таинственное существо, живое существо - разрушает растительные волокна и хранит их составляющие внутри себя. Когда она получает нужные сигналы от своей экосистемы, она перегруппировывает и высвобождает необходимые питательные вещества. «Посредством тесной обратной связи обрабатывается информация о химических запасах, хранящихся в гуминовых кислотах, затем эти соединения передаются обратно в наземные сообщества растений, тем самым регулируя, какие растения должны расти, в какой комбинации, в какой экосистеме, и какие химические вещества они должны производить, чтобы сохранить почву здоровой» [14].

Почва не является однородным веществом, - это миллион составляющих, и они все живые. Их жизненные процессы - питание, выделение, передвижение, взаимодействие, обмен - сделали остальную часть планеты пригодной для жизни. Они декомпозируют мертвую материю из растений, животных, грибов, бактерий и создают новые элементы для новой жизни. Стивен Столл пишет, что верхний слой

почвы «представляет собой фильтр и контейнер, массу интегрированного микро- и макроматериала, а также живого вещества, которые невозможно понять по отдельности. Его окончательная форма содержит так много членов и симбиотических отношений, что, по словам ученого-почвоведца Найла Брэди, она представляет собой «формирование природного тела, отличного от исходных материалов, из которых она была создана» [15].

«Подкармливай почву, а не растение» - так звучит первая заповедь органического земледелия. Я должна была кормить почву, потому что она была жива.

Азот, фосфор, калий - НРК - Святая Троица садоводов, тройка элементов, управляющих ростом растений. Так чем же питаются почва и растения, и где я могла все это получить? Я не знала о существовании «закрытой системы с обратной связью», но это было то, что я искала. Азот - важная составляющая такой системы. Существуют растения, которые могут фиксировать азот. «Разве этого не достаточно для моего сада? Как может быть иначе?» - вопрошала я. Но я просила миллион живых существ, которые самоорганизовались в единую систему миллионы лет назад. Они не могли ответить на мои этические муки. Ни одно азотфиксирующее растение не могло бы восполнить все питательные вещества, которые я забирала из почвы. Почва хотела навоза. Хуже того, она хотела немислимого: крови и плоти.

Были и другие источники азота, которые я могла бы использовать. В наше время нефть и каменный уголь обеспечивают азотом сельскохозяйственные культуры по всему миру. Использование синтетических удобрений привело к Зеленой революции с увеличением урожая на 250%. Помимо того факта, что все, что сделано из ископаемого топлива не является экоустойчивым - мы не можем выращивать ископаемое топливо, и оно не возобновляемое, синтетические удобрения в конечном итоге разрушают почву.

Я не стала использовать синтетический азот. И это поставило меня лицом к лицу с продуктами животного происхождения. Конечно, ирония заключается в том, что источник азота, синтетический или органический, исходит от животных. Нефть и газ - это останки динозавров. Таким образом, мой выбор - на самом деле, наш выбор пал на азот от мертвых рептилий или от живых жвачных животных.

Мой огород требовал животной пищи, хотя я ее не ела.

Так я дошла до очередной развилки на моем пути. Я могла купить упаковку с концентратом НРК, хорошо сбалансированным и полностью органическим, или я могла подружиться с молочным фермером. Упаковка с удобрениями была более заманчивой, потому что позволяла мне лгать. Не полностью, но все же. Я не могла узнать снова то, что я и так знала. Но я могла закрыть глаза на информацию, потому что я уже знала, что было в этой упаковке. Список ингредиентов был многообещающим, как и положено плоду познания. Я была Евой, а в упаковке было мое яблоко, но чем я поплачусь, съев его? Финансовыми затратами, с которыми я наконец столкнулась, как суммой всех составляющих минерального цикла? Эмоциональной стоимостью моих духовных желаний, моих политических пристрастий, моей личности? И почему все всегда сводится к еде?

Я откусила от запретного плода. Я прочла состав: высушенная кровь, костная мука, мертвые животные, высушенные и размолотые. Я отложила упаковку и нашла немного навоза через знакомых - в пустом сарае, где когда-то были козы, а теперь остался только навоз. Оказалось, что я знала женщину, которой принадлежали козы, она была порядочным человеком. За ее животными хорошо бы ухаживали, даже баловали, решила я. Тогда я встречалась с мужчиной с сильной спиной и пикапом. Навоз прибыл, и мой огород расцвел. Помидоры переросли свои подпорки, а затем и грядки, добрались до дороги. Словно под моими окнами раскинулись кадры из фильма "Земля, позабытая временем". Я снабжала урожаем три дома в округе, но все же салат перерастал быстрее, чем я успевала добраться до него [16].

Я испытывала голод, но в то же время и насыщение. Это не тот утоляемый голод, который возникает от запаха ужина у входной двери, или когда выискиваешь взгляд любимого в переполненной комнате. Это был голод, который грыз без обещания облегчения. Я восстановила баланс в своем огороде, но моя этическая система была взломана.

Через несколько лет после тех событий я разговаривала с серьезным молодым веганом.

«Они берут части от мертвых куриц и разносят их по полям», - его голос дрожал. Он предполагал, что я посочувствую, что любой с моими взглядами пришел бы в ужас. Его экологически чистой, ненасильственной растительной диете наносился сокрушительный удар силами зла и смерти.

«Растения тоже должны есть, - попыталась объяснить я, - Им нужен азот, им нужны минералы. Мы должны восполнять то, что берем. И есть два варианта - ископаемое топливо или продукты животного происхождения».

«Но... но...» - теперь его тело дрожало так же, как и голос. Я знала, что он хотел сказать: "Неправда. Это не может быть правдой. Можно жить без смерти, и я знаю как."

Но «нет» было единственным словом, которое он мог произнести. Затем он ушел.

Сколько раз я уходила? Не один, и не два, и не три. Но я не могла уйти со своего огорода, от моих попыток не быть паразитом на планете. Поэтому, пока я решала вопрос с возвращением питательных веществ земле, мне некуда было идти с информацией, которую я использовала для этой задачи. Я могла играть в интеллектуальные прятки с козым навозом - он уже был в моем сарае, почему бы уже не начать его использовать? Это же не я мучала животных ради молока и мяса. Но потребность в фосфоре и калии из тройцы NPK не позволяли мне быть совсем непричастной.

Запасы фосфора в мире очень ограничены. «Рядом с чистыми водами, - пишет Билл Моллисон, - фосфор будет одним из существенных ограничений для расселения человечества» [17]. Фосфор залегает в осадочных породах. Я не относила камни к той же категории, что и животных: я не возражала против их использования. Проблема заключалась в том, как их достать. Сначала нужно было найти месторождение, затем добыть их из недр, перемолоть и привезти.

Осуществимо ли это без огромного количества ископаемого топлива? А что будет, когда мы истощим все его запасы? Я вернулась на ту же полку в магазине для садоводов. Я могла бы купить природный фосфат и решить, что, раз он «органический», я сделала хорошее, "зеленое" дело, и больше не думать об этом. Но разве не существует экологичного фосфора, который я могла бы получить самостоятельно? Я задала вопрос, но ответ возненавидела.

«Костная мука из останков наземных животных является традиционным источником, и большинство ферм (до 1940 года) держали голубей для этого». Или я, теоретически, могла бы получить фосфор из костей «морских птиц и лососевых рыб [которые] пытаются вернуть его нам, но мы сокращаем их популяции, лишая привычных мест размножения» [18]. Я была в девяноста милях от океана. Я была

всего в миле от реки Коннектикут, которая считалась одним из самых южных мест обитания атлантического лосося. Но в Коннектикуте не водились анадромные рыбы (живут в соленой воде, размножаются в пресной - прим. пер.), поскольку река была перекрыта дамбой почти двести лет назад для снабжения мельниц.

А еще был К, калий, содержащийся в золе, костях, моче, навозе и некоторых покровных культурах. Я могла бы притвориться, что нашла запасы золы - дровяные печи столь же распространены, как и клены в западном Массачусетсе, и вырастить некоторые покровные культуры. Но, думаю, к тому времени, когда бы я получила калий, я была бы уже слишком истощена интеллектуально, чтобы беспокоиться. Моя еда должна была насытиться прежде меня.

Были еще более тонкие моменты о садоводстве, я бы даже сказала острые и требующие внимания, с которыми мне пришлось разобраться. У меня еще не было фруктовых деревьев, но они были частью воображаемой фермы, которая ждала меня в туманном будущем. Кальций всегда является ограничивающим фактором в почве. Когда кальций истощается, растения перестают расти. И опять же, источник кальция в... думаете, я закончу предложение так: "органической коробке из магазина для садоводов, наполненной плотной энергией и прахом со скотобойни"? Или же я изучу опыт моих прадедушек и прабабушек и буду подкармливать деревья костями животных, которые жили рядом со мной? Какой из этих вариантов принес бы большее успокоение? Я нашла маленькое утешение у Майкла Филлипса в его книге "Целостный сад". Он цитирует книгу «Разведение яблок» 1871 года, рассказывающую историю яблони, растущую возле могил Роджера Уильямса, основателя Род-Айленда, и его жены Мэри Сэйлс. Было обнаружено, что корни дерева вросли в могилы и приняли форму человеческих скелетов, а «могилы [были] очищены от каждой частицы человеческого праха. Ничего не осталось.» [19]

Эта история успокоила мой ум, потому что дерево съело людей. Стандартный нарратив о человеке-охотнике, с его биологическим детерминизмом, его торжеством доминирования, жестокости, насилия и смерти был мне отвратителен. Миф всегда завершался мужчиной сверху животных, женщин, пищевой цепи, планеты. Это можно назвать и политической неизбежностью, но истинное название этому - патриархат, а метод противодействия ему - организованное

сопротивление. Я отвергала утверждение о том, что иерархия неизбежна, что Космос избрал в качестве вершины творения людей, а среди людей - мужчин. И мне хотелось бы верить, что я бы так же решительно отвергла эту пропаганду, если бы была мужчиной, хотя я знаю, что привилегия силы делает это менее вероятным.

Даже люди, обладающие развитым сознанием, верят в миф о Человеке, как о Сверххищнике. На вечеринке по случаю Дня Земли танцоры в костюмах выстроились в линию, которая символизировала пищевую цепочку, начиная с растений и заканчивая человеком. “Но человек - не вершина пищевой цепочки”, - настойчиво убеждала я любого, кто был готов слушать. В основном это были мои знакомые, которым давно надоело это слышать. А как насчет падальщиков - койотов, птиц-падальщиков? А как насчет насекомых, личинок, бактерий? Мы не может быть в конце, потому что это не линия, а замкнутая цепь. И если она где-нибудь и обрывается, то в тот момент, когда трупы становятся едой. Мы просто чей-то перекус.

Я не могла услышать рассказ той яблони, которая бы медленно вздохнула своими скелетоподобными корнями и сказала: “Ты точная форма моего голода”. Наши земные кости, наша человеческая кровь; у нас тоже есть свое место, конечно, если мы готовы его признать. Нас едят так же, как едим мы, мы такое же блюдо на бесконечном застолье Природы. Это и было моим утешением: место на столе. Мы не выше, мы один из видов, сотканных из углерода, который когда-нибудь вернется к своей изначальной форме.

Но я должна была смириться со смертью, прежде чем занять свое место.

Я бы хотела вернуться на десять лет назад и сказать себе: “Настанет день, когда у тебя будет стая голубей, и ты будешь разбрасывать их навоз по грядкам и хоронить мертвых под ягодными кустами и яблонями. И ты заплачешь, когда сделаешь это, но не только от грусти. А от того, что сделала все правильно и по Закону. Ты завершишь круг и это откроет твое сердце. У тебя также будут куры, утки, гуси, цесарки. Они будут есть жучков. А ты будешь есть фрукты, яйца и мясо. Тебя признают, к тебе будут приезжать за помощью и на

сеансы объятий - и ты полюбишь их. И все вы будете есть, все - птицы, ягоды, люди, почва, и все будут съедены. Поскольку небесные погребения незаконны (вид погребения в Тибете, также называется «раздачей милостыни птицам». Мёртвое тело помещается на вершине горы, где его поедают птицы-падальщики - прим. пер), ты оставишь в своем завещании: развеите мой прах, когда придет мой черед, пусть им питаются ягоды и яблоки.”

Помогло бы мне тогда это знание или же ужас от того, что я стала есть мясо, стала убийцей, не оставило бы места путевыми заметкам на длинном, тяжелом пути к благодати? Я хотела бы сказать себе: “ты будешь есть клубнику, и каждая ягодка будет что прозрение, каждый кусок что единение, намного превосходящее прощение и искупление. Каждый раз вкус клубники будет возвращать тебя домой. Это единственная ягода, которую стоит есть, она и терпкая, и сладкая, наполненная жизнью, которая растет там, где была смерть, которая цветет и созревает, когда приходит время.”

Самое время вернуться к яблокам. *“Плодовое дерево дает мне пищу, и я возвращаю семена природе, чтобы могли вырасти новые деревья”*. В последний раз, когда я ела яблоко, я посчитала. Было десять семян. Отставим на мгновение, что эти семена не будут давать съедобные яблоки: даже если у фрукторианца действительно большой задний двор, ему бы давно не хватило места. Говоря эту фразу, он явно не имел в виду каждое семя. Но я продолжаю возвращаться к этому предложению, потому что в нем есть нечто, что имеет значение как для автора, так и для меня: отношения, построенные на взаимности и уважении. Автор явно стремится к пище, к жизни на основе взаимности, а не эксплуатации, и он считает, что растения являются партнерами, соучастниками. Включив их в «нас» по наличию разума и способности действовать, он не может просто брать. Он должен знать, что он возвращает, участвует во взаимном обмене, а не односторонне извлекает, что он называет убийством. Это предложение содержит в себе один из целительных импульсов вегетарианского мифа: попытка

свергнуть человека с разрушительного пьедестала верховного правителя и вернуть его на свое истинное место.

Но эта фраза также демонстрирует и невежество. Фрукторианец не знает, что яблони тоже питаются, питаются животными, включая и нас. Им нужны наши экскременты - азот, минералы, бактерии, а также наша плоть и кровь. Существует взаимная связь между животными и растениями: хищником и добычей, затем жертва сама становится хищником. Наша попытка удалить себя из этого цикла разрушает его.

Но на этом невежество не заканчивается. Фрукторианец не знает, что семена живы. Или не позволяет себе этого знать. Поскольку убийство в этой моральной системе является кощунством, он не может признать, что ест что-то живое. И при всем этом, он воспринимает растения как существа, заслуживающие уважения.

И окончательное его невежество - в неверном понимании природы яблонь. В обмене между человеком и яблоком заложены отношения взаимности, но речь идет не о том, чтобы люди сажали семена. Речь идет о том, чтобы люди прививали, пересаживали и ухаживали за деревьями и расширяли их территорию. Речь идет о яблоках, соблазвивших нас трудиться для них в обмен на сладость. Это коэволюционный процесс, и он называется окультуриванием (одомашниванием).

Окультуривание не является понятием, которое хорошо понимают люди, выступающие против него. Я рассматривала одомашнивание как установление контроля над животными и растениями, и это казалось мне отвратительным. Я видела в нем короткий путь, который заканчивался тем, что курицы мучались в клетках, а приматы подвергались жестокому обращению в экспериментах, включавших травмы черепа. Очевидно, что вся моя диета состояла из окультуренных растений, за исключением пары порций папоротника ранней весной. Но речь шла о растениях, поэтому это меня не беспокоило. Я хотела спасти животных от человеческой эксплуатации, и, с точки зрения веганов, эксплуатация начинается с одомашнивания.

Я помню момент, когда я поняла суть этого определения. Был январь, шесть часов утра, и температура была намного ниже нуля. У меня было литра два горячей воды, которую нужно было как-то пронести через метровую обледенелую лужу перед дверью, чтобы мои куры могли попить. К тому же в теплый день вода капала в дверной

косяк, а ночью дверь примерзла. Долгий процесс по спасению двери включал отвертки, ножи для масла, спички. И где-то между ожогом ладони и обвалившимся за шиворот снегом, я осознала, что долгие годы всё было ровно наоборот. Я не эксплуатирую их. Они счастливы, сыты, в тепле и безопасности. Я та, кто несчастен. Куры даже не будут ходить по снегу, не говоря уже о том, чтобы добыть пропитание. Холодная капля, скользящая вдоль позвоночника пробудила меня к реальности. Куры заставили людей работать на них. В обмен, они тоже заботятся о нас, но не приносят нам воду. Они предоставляют нам еду - мясо и яйца - и целый набор других продуктов своей жизнедеятельности, необходимых фермерам. Это партнерство, и оно хорошо сработало для обеих сторон, но до возникновения фабричного птицеводства. Геном птицы из джунглей обернулся удачей для людей, и это была ставка в азартной игре, которая окупилась. Мы распространили кур по всему земному шару, расширяя их ареал за пределы самых смелых мечтаний грустной наседки из джунглей, готовой отдать все ради своих яиц.

Об этом рассказывает Майкл Поллан в своей замечательной книге «Ботаника желаний: взгляд растений на мир».

“Мы автоматически думаем об одомашнивании как о чем-то, что мы делаем для других видов, но так же важно думать о нем как о чем-то, что некоторые растения и животные сделали с нами, об умной эволюционной стратегии для продвижения своих собственных интересов. Виды, которые провели последние десять тысяч лет или около того, выясняя, как лучше накормить, излечить, одеть, опьянить или иным образом угодить нам, сделали себя одними из величайших историй успеха природы” [20].

Хотите пример? Пятьдесят миллионов собак в США против десяти тысяч волков [21]. Дикая псовая обрела лучшую жизнь среди людей. Начнем с того, что было много мясных отходов. И чем больше собак помогало людям, чем больше они выслеживали и догоняли добычи с нами, тем больше было еды.

На планете два миллиона видов животных, которым мы уже дали названия, а неназванных еще больше. Но только сорок видов связали свое будущее с нашим. Мы изменили их - попросили их быть больше или меньше, быстрее или мягче, а они изменили нас. Половина всех людей в настоящее время обладает геном толерантности к лактозе -

биологическим результатом эксперимента коров над людьми. И весь наш образ жизни изменился: от охотников-собирателей до садоводов и оседлых земледельцев. Все потому, что нам нравилось что-то из того, что предлагали определенные животные или растения.

Из 422 тысяч видов растений только небольшой процент составляют окультуренные. Но некоторые из них буквально захватили весь мир. Растения производят миллионы химикатов, чтобы привлекать, отталкивать, обездвиживать или убивать животных. Так они размножаются или дают отпор. То, что они не могут двигаться, не означает, что они пассивны. И очень часто, еще в эволюционной колыбели одно из них бросает генные кости и выигрывает, создавая идеальную пару с центром удовольствия в человеческом мозге. Однолетние травы срывают куш своими опиоидами. Мы их ели и не могли остановиться. «Наша грамматика, - пишет Майкл Поллан, - учит нас делить мир на активных субъектов и пассивных объектов, но в коэволюционных отношениях каждый субъект также является объектом, а каждый объект - субъектом. Вот почему так же важно думать о сельском хозяйстве как о способе, которым травы воспользовались людьми, чтобы победить деревья» [22].

Мы поставщики грубой силы. И в случае с кукурузой, мы просто ломовые лошади.

Нам нужно вывести себя из положения субъектов. Мы должны понимать, что мы не такие уж особенные. Мы думаем, что занимаемся деятельностью, свойственной исключительно человеку - меняем растения и животных в соответствии с нашими потребностями, пока они не станут зависимы от нас. Но все хищники меняют свою добычу, и все жертвы зависят от хищников. Вы думаете, что хамелеоны меняют цвет для удовольствия, что у оленей есть пятна и инстинкт лежать недвижимо просто так?

В настоящее время рост популяции оленей на северо-востоке, которые питаются молодой порослью, обгоняет рост лесов. Через пятьдесят лет лес может перестать существовать, и это будет означать конец и оленям. Это происходит потому, что из-за человеческого

вмешательства не хватает хищников, а чтобы выжить как виду, оленям нужны хищники. Поллан объясняет: «Как бы это ни казалось тем из нас, кто живет в отдалении от мира природы, хищничество не является вопросом морали или политики; это тоже вопрос симбиоза ...

Хищничество глубоко вплетено в полотно природы, и это полотно быстро бы истлело, если бы хищники перестали существовать, если бы людям удалось «что-то с этим сделать» [23]. На северо-востоке США людям удалось что-то с этим сделать, и без волков и пум, без хищничества, результаты становятся все хуже с каждым годом. Популяция оленей превзошла все границы экоустойчивости.

Тед Уильямс пишет: «В 10-летнем эксперименте Лесная служба США обнаружила, что при более 20 оленях на квадратную милю вымирают лесные пиви, синие овсянки, малые эмпидонаксы, желтоклювые американские кукушки и голубые лесные певуны ... При 38 оленях на квадратную милю исчезают восточные фебы и даже странствующие дрозды. Наземно гнездящиеся птицы, такие как золотоголовый дроздовый певун, тетерев, вальдшнеп, козодой и дикий индюк, могут гнездиться в папоротнике, который олени игнорируют, но их популяция также значительно сокращается, так как им нужен плотный подлесок.» [24]

Он описывает Крейн Эстейт, песчаную косу к северу от Бостона, которую полностью очистили от растений, оголенные дюны отдали на разрушение ветрам, а вместе с ними и остатки животного мира. Олени стали голодать, исчерпав потенциал этих земель, и почти завершили процесс их полного истощения. Без хищников земля умирает. В этих местах хищники, в основном пумы и волки, были истреблены ранними европейскими поселенцами. «Такое поведение потрясло индейцев, - пишет Уильямс, - После долгих споров и предположений они решили, что это проявление безумия».

Хищник - жертва - это, в конечном счете, взаимные отношения: один нуждается в другом, один меняет другого. Поллан пишет: «Охота ... значительно повлияла на формирование бизона, обитающего в американских прериях, который ... изменился как физически, так и поведенчески после прибытия индейцев» [25]. А крупные жвачные животные изменяли людей так же, как и мы их. Высококачественные белки и жиры, особенно богатые нутриентами субпродукты, позволили нашей пищеварительной системе сократиться, а нашему

мозгу вырасти. Мегафауна доисторического мира - зубры, антилопы и мамонты - буквально сделали нас людьми. Поэтому они и стали первым нескончаемым арт-проектом человечества.

Растения использовали животных в качестве репродуктивной стратегии в течение 100 миллионов лет, с тех пор, как покрытосемянные буквально расцвели на эволюционной сцене. Некоторые растения размножаются, создавая цветы. Этим цветам нужны животные, чтобы их опылять. После оплодотворения цветы превращаются в семена. Семена снова нуждаются в животных, чтобы их переносили. Другие растения используют ветер как опылитель и переносчик, например, так у расторопши появились крошечные, будто сказочные парашюты. Иные научились привлекать животных; секс с самого начала был оргией цвета, аромата и вкуса - ярко-красный для колибри или сладкий нектар для пчел. Эти растения развивались совместно с избранными животными. Они так же зависят от насекомых, птиц или грызунов, как кукуруза от людей.

К примеру “несколько видов акаций, называемых муравьиными акациями, имеют высокоразвитые отношения с определенными видами муравьев. Акация *Acacia cornigera* и муравей *Pseudomyrmex ferruginea* полностью зависят друг от друга.... Муравьи гнездятся в полых шипах дерева. Стебли листьев акации содержат нектар, который обеспечивает муравьев необходимыми углеводами; особые ярко-оранжевые наросты на кончиках листьев ... снабжают муравьев белками и жирами Муравьиная матка находит незанятую молодую акацию, забирается в зеленый шип и откладывает там яйца.... С этого момента и в течение девяти месяцев рабочие муравьи патрулируют дерево, ползая вверх и вниз по веткам днем и ночью. Они нападают - кусают и жалят любых других насекомых, которых встречают, а также уничтожают все растения, растущие в радиусе 75 см от их дерева.... Молодые акации, у которых нет колонии муравьев, подвергаются серьезным повреждениям от других насекомых.... По сути выживание муравьиной акации зависит от "ее" муравьев” [26].

Приручение - это не господство человека. Да, теперь мы понимаем как работают гены и селекция, и нам нравится верить, что мы этим управляем. Вы можете настаивать на том, что люди находятся на вершине, осознанно контролируют, но пшеница и кукуруза с их позиции в 850 миллионов акров по всему миру, будут утверждать иное. В их арсенале - наши надорванные трудом скрюченные спины.

Является ли жизнь на Земле одним организмом, обладающим сознанием, в конечном счете, - это духовный вопрос. Я не думаю, что об этом можно дискутировать, ответ на этот вопрос можно только прожить. И я проживала его по-своему. Я знаю, во что я верю. Я не прошу вас согласиться со мной, я прошу просто послушать. Белки закапывают желуди. Дубы кормят белок. Бабочкам-монархам нужна млечная трава, и не только из-за сахара. В нектаре ватончика содержится специфическое химическое вещество, которое делает монархов токсичными для хищников. Кто на кого работает? Человеческие отношения с курами и свиньями, рисом и ячменем ничем не отличаются.

Первое условие для окультуривания исходит от растения, которое готово расширить свой геном под потребности человека. Люди собирают урожай, непреднамеренно распространяют и защищают растение. Это обычная деятельность охотников-собирателей, и они приводят к генетическим изменениям в податливых, уступчивых растениях, например, к более крупным семенам или упругим стеблям. Такие растения становятся более привлекательными для людей, но также более зависимыми от них. Дэвид Риндос называет эту стадию *“случайным окультуриванием”* [27]. Следующая стадия наступает, когда растениям нужны люди, чтобы распространяться, и тогда люди предпринимают определенные действия, которые способствуют окультуриванию. Риндос называет это *“специализированным окультуриванием”*. Археологические данные показывают соответствующие изменения в размере семян, их оболочке, а также механизмах распространения. Такое вмешательство человека также изменяет и окружающую среду, хотя эта деятельность все еще приходится на домен охотников-собирателей (как правило, выжигание лесов и зачистка территорий). Виды диких растений все еще разнообразны, так как окультуренные растения не обеспечивают достаточного пропитания, и люди по-прежнему зависят от других ресурсов. На последнем этапе - *“сельскохозяйственное окультуривание”*, когда окультуренные растения превосходят дикие по обеспечению

пропитания, а люди участвуют в полномасштабном изменении окружающей среды ради сельского хозяйства. В этот момент разнообразие видов резко падает, и люди зависят от полностью одомашненных растений и животных.

Для полноценного ведения сельского хозяйства необходимо соблюдение трех условий. Во-первых, необходимо множество подходящих и гибких растений и животных. Это множество по сути является ограничивающим фактором. Поэтому люди в Северной Америке могли заниматься сельским хозяйством только на небольших территориях. Потенциальных претендентов на одомашнивание было немного. Без домашних животных люди, перешедшие к оседлому образу жизни, должны были полагаться на реки, лиманы и океан, чтобы обеспечить себя животными жирами и белками. За пределами долин рек и прибрежных территорий сельское хозяйство было невозможно. В Мезоамерике и Южной Америке одомашнили лам, морских свинок и индюков, после чего сельское хозяйство стало развиваться в своем типичном разрушительном ключе.

Во-вторых, окружающая среда должна быть достаточно богата ресурсами, чтобы население начало расти. Это важно, потому что приводит к третьему фактору: разрушение окружающей среды человеком. Когда люди собирались в сезонных поселениях, они выжигали территорию, чтобы разбить лагерь, затем вытаптывали более обширное пространство, сжигали еще немного вокруг, чтобы выманить дичь, и накапливали кучи отходов. Семена, пригодные для окультуривания, особенно однолетние травы, случайно попадали в землю вместе с экскрементами или же целенаправленно сажались в землю, а порой и оба способа были задействованы. И эти семена чувствовали себя как дома в этой измененной человеком среде. Первые земледельцы высаживали съедобные и другие полезные растения, прежде чем покинуть стоянку. В результате подобной деятельности человека в тропических лесах Южной Америки за несколько столетий были одомашнены более трехсот растений. Тропический лес в том виде, в каком он существует сейчас, является совместным усилием людей и растений.

Ключ к полноценному сельскому хозяйству - однолетние травы. Если вы хотите понять, как человек разрушал планету десять тысяч лет, вы должны понять природу однолетних растений. Подавляющее большинство растений на Земле - многолетние. После прорастания

они живут годами, а иногда и веками, превращая солнечный свет в целлюлозу. Поскольку у них много времени для размножения, они используют несколько стратегий: побеги, клубни, отростки, семена. Их функция в экосистеме жизненно важна: их корни буквально удерживают почву на месте. А без верхнего слоя почвы нет жизни, по крайней мере нет жизни на земле.

Теперь давайте рассмотрим однолетние растения. Они живут только один или два коротких сезона, и за это время должны исполнить цель своей жизни: воспроизводство. Таким образом они ставят всё на одну стратегию: большие, жирные семена. Их семена терпеливы - у них нет иного выбора. Нет смысла прорасти, когда соревнуешься с хорошо укоренившимися многолетками. Их крошечные зародыши не имеют шансов против плотного слоя многолетних корней. Они ждут, пока что-нибудь разрушит многолетники и обнажит почву - огонь, наводнение, землетрясение, мигрирующий бизон, люди. Когда многолетние растения временно отступают, однолетние вступают в свои права. Семена прорастают, корни уходят в почву, стебли всходят, и растения начинают работать над своей привлекательностью. У них совсем нет времени на рассылку любовных писем из причудливых форм и ярких цветов или сладких безделиц из пыльцы и ароматов, так как многолетние растения дышат в спину, а в умеренном климате также угрожает и приближение зимы. Поэтому, однолетние растения самоопыляются, их семенные коробочки набухают и лопаются, высвобождая семена следующего поколения, которые ждут в почве своей участи. Это живое доказательство того, что природа любит оппортунистов.

С точки зрения почвы, ничего не может быть лучше. Оголенная почва - предвестник катастрофы, и однолетние растения являются первыми спасателями, удерживая и защищая почву своими корнями и листьями. Однолетние растения - это как лейкопластырь на ране, а многолетние - это плоть, которая со временем срастается.

Отправной точкой земледелия были однолетние травы - дикие прародители кукурузы, риса, пшеницы, ячменя (за исключением клубневого картофеля в Андах), потому что они давали семена, большие настолько, что их можно было легко собирать. Они сами распространились в речных долинах, склонных к наводнениям, регулярность которых обеспечивало им выживание. Затем пришли люди, играющие с огнем, поглощающие и выделяющие, и однолетние

травы обрели свое пристанище. Растения следовали за поселениями. Им нравилось расти там, где прошла разрушительная рука человека.

Сельское хозяйство началось с разных растений в шести независимых областях: с кукурузы в Центральной Америке; с риса в долинах Желтой реки и Янцзы в Китае и долине Ганги в Индии; с другого вида риса в Западной Африке; с пшеницы на Ближнем Востоке; с пойменных сорняков (тыквы, подсолнуха и амаранта) на юге центральной части США; и с картофеля в Андах. В этих областях сначала зародилось сельское хозяйство, а в скорости и первые урбанистические цивилизации. Это произошло не только из-за деятельности человека, но из-за однолетних растений, для которых такая деятельность стала благоприятной.

Так возникло сельское хозяйство. Но это не объясняет “почему”. Почему люди отказались от почти идеального здоровья и времяпровождения в пользу непосильного труда и плохого питания?

Переход к сельскому хозяйству «давно считается ... главным достижением цивилизации, однако.... этот переход привел и к ухудшению здоровья» [28]. Появление сельского хозяйства оставило неоспоримые улики в костях и останках фекалий, которые являются прямыми доказательствами преступления, совершенного против основ здоровья человека: «недоедание, остеомиелит и периостит (инфекция костных тканей), кишечные паразиты, фрамбезия, сифилис, проказа, туберкулез, анемия (от недоедания, а также поражения нематодами), рахит у детей, остеомалация у взрослых, задержка развития у детей и низкий рост у взрослых» [29]. Медицинские антропологи могут взглянуть на кость и с первого взгляда сказать, был ли этот человек охотником-собирателем или же жил в сельскохозяйственном обществе. Охотники выглядели великолепно; земледельцы разваливались на части.

А еще нужно учесть надрывной труд. Среднестатистический охотник-собиратель работал семнадцать часов в неделю, что оставляло много времени для творчества, духовных забот, общения и критически важного сна [30]. Земледельцы работают от рассвета до заката, и даже в современной Америке, при всей нашей технологической оснащённости, среднестатистический гражданин США работает более сорока часов в неделю, что не включает бытовые задачи (традиционно выполняемые женщинами), такие как приготовление пищи, уборка, воспитание детей. Бесчеловечно, не так ли? Зачем это людям?

Выдвигались многочисленные теории, но ни одна из них не выдерживает испытание фактами. Еще в школе я познакомилась с одной из таких теорий: увеличение населения заставляет людей делать свои территории более продуктивными. Это имело бы смысл, если бы не обернулось ложью. Если бы перенаселение было действительно стрессовым фактором, то археологи находили бы хрупкие, усохшие и выродившиеся скелеты недоедающих людей еще до появления сельского хозяйства. Вместо этого они находят длинные, крепкие, здоровые кости и зубы, типичные для охотников-собирателей. Только после возникновения сельского хозяйства рост населения стал опережать возможности территорий обеспечивать жизнедеятельность человека. «Демографическое давление не имело прямого воздействия на ранних стадиях одомашнивания», - заключают Дуглас Т. Прайс и Энн Биргитте Гебауэр [31].

Археологам нужно пообщаться с фармакологами. Снежные бараны будут стесывать зубы до десен, поедая психоактивный лишайник со скал. Крупный рогатый скот будет возвращаться к местам произрастания астрагала (трава, содержащая токсин с наркотическим эффектом - прим. пер.), пока тот не убьет их. Птицы ловят кайф от семян конопли, а ягуары едят кору айяуаски, чтобы получить галлюцинации [32]. Слоны делают вино из пальмового сока [33].

Птицы набивают желудок ферментированными ягодами до тех пор, пока не опьянеют и не потеряют ориентацию в пространстве до такой степени, что разбиваются в полете. Утки ищут наркотические растения. Обезьяны и собаки любят опиумный дым. Шимпанзе преодолеют свой страх перед огнем, чтобы выкурить сигарету, а табак вызывает привыкание у ряда животных, включая попугаев, бабуинов и хомяков. Олени будут игнорировать пищу, идя за запахом галлюциногенных грибов, которые используют лапландские шаманы [34]. Также нужно учесть, что мак был одним из первых одомашненных растений, и явно собирали эти крошечные семена не для того, чтобы варить из них кашу.

Окультуренные однолетние растения содержат химические вещества, называемые экзорфинами. Это опиоиды, которые воздействуют на мозг человека так же, как опиум. И да, они вызывают привыкание. Молоко, другой продукт сельского хозяйства, также содержит экзорфины, хотя и в гораздо меньших количествах.

Г. Уодли и А. Мартин, исследователи, разработавшие эту теорию, утверждают: "употребление зерновых и молока в привычных для современного человека объемах активизирует центры вознаграждения в мозге. Продукты, которыми питался человек до сельского хозяйства ... не имеют этого фармакологического свойства. Эффект от экзорфинов качественно тождественен эффекту других опиоидных ... наркотиков, то есть получение вознаграждения, повышение мотивации, снижение тревоги, возникновение чувства благополучия и, возможно, даже зависимости. Хотя эффект от типичной еды количественно меньше, чем дозы этих препаратов, большинство современных людей испытывают его по несколько раз каждый день своей взрослой жизни" [35].

По словам докторов Майкла и Мэри Дэн Идс: «Никто не срывается на стейк, яичницу или свиную отбивную; почему-то не могут остановиться, поедая печенье, конфеты или другую нездоровую углеводную еду ... Зерновые и продукты из них обладают особой привлекательностью, превосходящую простую стимуляцию вкусовых рецепторов» [36].

Мы стали рабами сельского хозяйства потому, что стали зависимыми, потому, что семена однолетних трав сокрушили нас ударом химического счастья. Растения забавлялись химией сто миллионов лет, тестируя стратегии, чтобы отражать хищников и привлекать потенциальных помощников. Они производят такие вещества, как кофеин, который притупляет аппетит, галлюциногены, которые вызывают спутанность сознания, гормоны, которые нарушают репродуктивные функции, и откровенные яды, чтобы убивать - все они удивляют своей эффективностью. Растения также экспериментировали с химическими веществами для привлечения, которые давали бы блаженство, экстаз или духовное прозрение (все почитают богиню Теоброму) и стимулировали бы центры удовольствия. Слишком сильное воздействие - и потенциальный помощник в виде животного превращается в бесполезного наркомана. Воздействия в самый раз - и посаженный на вещество готов на многое ради растения и сделает все возможное, чтобы получить больше.

Как завоевать мир.

Нужно начать с участка земли - леса, прерии, заболоченной территории. В своем изначальном состоянии земля покрыта множеством растений, сосуществующих вместе с микрофауной - бактериями, грибами, дрожжами, и с животными - от насекомых до млекопитающих. Растения выступают созидателями, превращая солнечный свет в материю, создавая богатую кислородом атмосферу для дыхания остальных существ, и верхний слой почвы, от которого все зависит. Это называется многолетней поликультурой. Многолетней - потому что большинство растений живут не один год, удерживая углерод в своих телах из клетчатки, простирая корни в почве на километры. Поликультурой - из-за разнообразия; все они сотрудничают, конкурируют, вносят свой вклад; у каждого своя функция. Многолетняя поликультура - это то, как природа создает и защищает верхний слой почвы, то, как самоорганизовано всё живое, чтобы производить больше.

А вот что представляет собой сельское хозяйство: вы берете участок земли и удаляете с него все живое, вплоть до бактерий. Затем вы засаживаете его на благо человека несколькими видами растений, часто бесконечными гектарами только одного растения, таких как кукуруза, соя, пшеница. Животных истребляют, часто до полного исчезновения вида. Им просто некуда податься. В 1491 году в Соединенных Штатах обитало от 60 до 100 миллионов бизонов. Сейчас насчитывается 350 тысяч бизонов, и только от 12 до 15 тысяч из них являются дикими бизонами, которых не скрещивали с домашним скотом. Ранее водилось от 425 тысяч до 1 миллиона волков; осталось только 10 тысяч. Несколько видов наземно гнездящихся птиц были уничтожены еще до того, как им успели дать названия (европейские названия; уверена, что коренные народы знали, как они назывались). Североамериканская прерия уменьшилась до 2% от ее первоначального размера, а верхний слой почвы, когда-то глубиной двенадцать футов (3,65 метра), теперь может быть измерен только в дюймах (1 дюйм = 2,54 см) [37].

Сельское хозяйство основано на однолетних монокультурах, они полная противоположность многолетним поликультурам, в том числе и по воздействию на почву: они истощают верхний слой почвы. «Истощение почвы является неизбежным вредом сельского хозяйства для окружающей среды», - пишет Стивен Столл [38]. Или, как выразился Том Полисон, «с планеты сдирают кожу» [39]. Сельское

хозяйство - это катастрофа, которая не позволяет земле залечить свои раны. Поддержание оголенной земли требует невероятных усилий, потому что всё живое жаждет жить. Деревья продолжают попытки создать лес, травы хотят вернуть свои прерии, а вода ратует за заболоченные территории. Откажитесь от расчистки земель в Новой Англии, и вы получите кусты фитолакки и ежевики, затем сумахи и березы, затем клены, дубы и сосны. Через пять лет это будут молодые деревца; через десять лет они станут слишком большими, чтобы их можно было спилить ручной пилой. Так земля защищает себя, покрывает свое тело живыми зелеными доспехами.

Но ее доспехи недостаточно прочны, особенно, когда нападает человек. Сельское хозяйство больше похоже на войну, чем на что-либо еще, стремительную атаку, разрушающую основы, которые делают жизнь возможной.

Даниэль Гиллель объясняет: “по своей природе [сельское хозяйство] является вторжением и, следовательно, нарушением баланса в окружающей среде, поскольку оно заменяет естественную экосистему на искусственную ... В тот момент, когда фермер очерчивает участок земли ... он фактически объявляет войну существовавшему ранее экологическому порядку. Желая вырастить определенную культуру ... фермер должен теперь считать все местные виды сорняками или вредителями, и уничтожить их любыми возможными способами. Однако, в открытой среде дикие виды продолжают возвращать себе украденные владения, поэтому земледельцы в конечном итоге не станут победителями” [40].

Сельское хозяйство - это путь к морю вокруг Земного шара. Единственные оставшиеся земли - это те, которые сельхозпроизводители не могут использовать: там слишком холодно, слишком жарко, слишком круто, слишком сухо.

Сельское хозяйство - не настоящая война, потому что леса, болота и прерии, дождь, почва и воздух не могут дать отпор. Сельское хозяйство больше похоже на этническую чистку - уничтожение местных жителей, чтобы захватчики могли завладеть землей. Это биотическое очищение, биоцид. «В истории человечества ... плуг был гораздо более разрушительным, чем меч» [41]. Он лишен ненасилия. Он лишен экоустойчивости. И каждый кусочек пищи от него наполнен смертью.

Когда я училась в школе, я выбрала предмет «Политика мирового голода». Я была веганом уже 4 года и хорошо понимала, как решить эту проблему. По крайней мере, мне так казалось. На самом деле, я не знала ничего. Профессор, агроном, он также разводил овец, поделился с нами откровением, которое пробежало холодным потом по моей спине: «В тот момент, когда вы опускаете плуг в почву, вы ее ухудшаете».

На моих глазах все рухнуло как домино, весь человеческий род. Нас слишком много, на миллиарды больше, чтобы что-то, кроме сельского хозяйства, могло нас прокормить. Наша численность сделала нас зависимыми от зачисток земель и использования ее только для нашего вида. Но этот процесс разрушал почву. Без почвы нет ни еды, ни жизни. Если то, что он говорил, было правдой, то конечным результатом станет всеобщий голод.

«Пахота подвергает почву воздействию солнца, дождя и ветра», - пояснил он. Если и это было не понятно, то он держал наготове слайды.

Например, у него были изображения Месопотамии, «земель между реками», где сейчас находится Ирак. Вы, возможно, видели фотографии - хотя, скорее глазами репортеров, прибывших вместе с американскими войсками, а не агрономов, пытающихся вернуть пустыню к жизни. Реками, о которых идет речь, являются Тигр и Евфрат. Область была названа Плодородным Полумесяцем, но никто в здравом уме сейчас не назвал бы так эту область.

“Широкие участки бесплодной, покрытой солью местности опутаны останками древних оросительных каналов. Давным-давно это были плодородные поля и сады ... Удручающее состояние во многом связано с длительной эксплуатацией этой хрупкой среды поколениями лесорубов, пастухов, культиваторов и ирригаторов ... Некогда процветающие города Месопотамии сейчас превратились в немые капсулы времени, в которых захоронены материальные останки цивилизации, ее жизнь и смерть” [42].

Цивилизация долины реки Инд постигла та же участь. Индия, Пакистан, Австралия, Россия, США, страны Африки, расположенные к югу от Сахары, Мезо- и Южная Америка, Египет, Канада - если их сельскохозяйственные угодья еще не покрылись растрескавшейся на солнце глиной, то это неизбежно. Средиземноморское побережье, например, когда-то было покрыто лесом. На самом деле в Ливане были кедр, много кедров, а не только призрак одного на флаге. «Холмы Израиля, Ливана, Греции, Кипра, Крита, Италии, Сицилии, Туниса и восточной Испании» были покрыты густыми зарослями деревьев, а верхний плодородный слой почвы составлял около метра [43]. Потеряв защитные деревья, почва была смыта в море. Все, что осталось сейчас, - это жесткая щетка, цепляющаяся за сухие камни, выгорающая и дальше на солнце, на которой пасутся только козы.

Город Ютика служит примером масштабов разрушения. Ютика была морским портом в устье реки Баграды. Но почва с холмов по реке утекала в море, где она накапливалась до тех пор, пока Ютика не перестала быть портом. Заброшенный город в настоящее время находится в семи километрах от побережья под десятью метрами ила [44]. «Судьба Ютики, - пишет Дэвид Хиллел, - типична и для других некогда процветающих городов, основанных римлянами в Северной Африке» [45].

В Ливане (а затем в Греции и Италии) история цивилизации обнажается как скалистые горы. Сельское хозяйство, иерархия, вырубка лесов, потеря верхнего слоя почвы, милитаризм и империализм стали усиливающейся петлей обратной связи, завершившейся крахом биорегиона, который, скорее всего, не восстановится до следующего ледникового периода. Ливан был домом для финикийцев, главных морских торговцев Средиземноморья. Их пахотная земля была ограничена горами, на которых росли кедр. Древесина из кедра ценится в строительстве, особенно в судостроении, поскольку она устойчива к гниению. Если вы думаете, что Максам и Палм Крик (компании по производству древесины - прим. пер.) начали первыми, то нет - финикийцы также вырубали свои леса. В Месопотамии и Египте не было деревьев, поэтому там их с радостью покупали. Книга Царств описывает царя Соломона, который тысячами посылал рабочих, чтобы те помогали в вырубке и перевозке кедров в Иерусалим, где они были нужны («нужны») для строительства храмов и дворцов. Такие здания возникают только в сельскохозяйственных

цивилизациях вместе с иерархией во главе с правителями и священнослужителями.

Затем быстрый рост населения привел к сельскохозяйственной обработке склонов холмов, что повлекло неизбежное сползание почвы в море. Это привело к заключительной стадии сельского хозяйства: империализму. Финикийцы колонизировали Северную Африку, Сардинию, Сицилию и Испанию. Колонии обеспечивали продовольствием, истощая собственный верхний слой почвы, получая в замен промышленные товары финикийцев (в основном, стекло и красители).

В определенный момент финикийцы потеряли свое могущество, и их обогнали греки. В свою очередь, греки разрушили свои собственные земли, превратив «землю, когда-то густо покрытую растительностью, в территорию обнаженных скал» [46]. Они вырубали леса ради сельскохозяйственных угодий и топлива для промышленного производства керамики, кирпича и металлов. Они также использовали пиломатериалы для сооружения тележек, колесниц и, конечно же, кораблей для торговли и неизбежных захватнических войн. Греки также сжигали свой лес, чтобы освободить место для пастбищ, которые они уничтожили чрезмерным выпасом скота. Гилель цитирует «Илиаду»:

*“Многие нависи скал отторгают разливные воды,
Даже до моря пурпурного с шумом ужасным несутся,
Прядая с гор, и кругом разоряют дела человека”*

Война была последним оскорблением для земли, поскольку захватчики в бесконечных сражениях специально вырубали деревья на землях побежденных народов. С исчезновением верхнего слоя почвы исчезали и условия для возникновения новых лесов.

Верхний слой почвы разносился ручьями, в конечном итоге создавая болота. Болота разводят комаров, а комары - это проводник для нового умного организма, который нашел незанятую нишу в крови человека. Малярия - это болезнь цивилизации, одна из многих. Как пишет Ричард Мэннинг, «вырубка тропических лесов сначала в Африке, а затем и в ... других регионах ... создала именно такие условия, в которых процветают комары. Таким образом, малярия является сельскохозяйственным заболеванием» [47]. Ежегодно от

малярии умирает от 700 тысяч до 2,7 миллионов человек. Каждую минуту эта инфекция убивает двух африканцев.

Затем расцвел Рим, и схема повторилась снова: очищение земель для сельского хозяйства и промышленности, вымывание верхнего слоя почвы, забитые в устьях реки, пересыхающие у самых истоков ручьи. Стивен Столл объясняет: «Верхний слой почвы удерживает большую часть доступной воды в любой экосистеме. Без этого резервуара влага уходит в ближайший водосток; земля высыхает; происходит изменение климата» [49]. Осевший на дно ил стал причиной формирования новых малярийных болот и разрушил гавани в Остии, Пестуме и Равенне. Куски земли, называемые агропустынями, или пустынными полями, были оставлены голыми и заброшены. Все это результат тяжелого труда и страданий людей, находящихся в рабстве.

“Жестокое обращение римлян с природой распространялось и за пределы их собственных земель. Везде, где устанавливалось их господство, они повторяли одну и ту же модель. Вырубка лесов на обширных территориях, а также истощение сельскохозяйственных земель и чрезмерный выпас скота происходили повсеместно во имя удовлетворения алчных потребностей раздутого центра силы” [50].

Вы можете поставить на место Рима название другого раздутого центра силы и получите такое же описание сельскохозяйственных разрушений, затрагивающих экологию, экономику, социальную сферу, которые охватили весь мир.

Когда-то Северная Америка была покрыта лесами, такими густыми, что, теоретически, белка могла из Мэна перебраться в Техас, ни разу не спустившись на землю. Там, где проливались дожди, начинались прерии, и травы простирались корнями на две тысячи миль. Реки, наполнялись водами во время дождей, покрывая землю диким и нежным потоком изобилия, образуя заболоченные участки, которые выпускали влагу как длинный, медленный выдох.

Как я писала ранее, 98% изначальной прерии исчезло. Когда-то в штате Иллинойс было 22 миллиона акров прерий, а также лесные рощи и саванны [51]. В штате Небраска 98% высокотравных прерий уничтожены [52]. Для буйвола не осталось пастбищ. Там теперь кукуруза, пшеница и соя. Единственными животными, которые избежали биотической зачистки от земледельцев, являются мелкие

животные, такие как мыши и кролики, и миллиарды их гибнут от уборочной техники каждый год. Если вы сами не косите траву, не забудьте добавить их к числу погибших за вашу вегетарианскую еду. Их тоже нужно считать, и они умерли за ваш обед, вместе со всеми другими животными, численность которых упала ниже уровня генетической устойчивости как вида. «Вы можете посмотреть корове в глаза» - гласит реклама соевых бургеров. А как насчет буйвола? Необходимо присутствие 5% биологического вида, чтобы обеспечить достаточное разнообразие и долгосрочное выживание, а буйволов осталось менее 1%.

На смену пришло сельское хозяйство. В Индиане когда-то насчитывалось более 2 миллионов акров прерий и леса. Осталась всего разрозненная тысяча. Были также тысячи акров черных тупело и болотных кипарисов. Болотный кипарис - родственник красного дерева, но никто не сидит на этих деревьях, чтобы защитить их (активисты забираются на дерево и сидят там, тем самым не давая его срубить - прим. пер.). Черные тупело имеют решающее значение для целой плеяды животных, обеспечивая питание для сурков, индюков, медведей, оленей, лисиц, енотов, белок и многих птиц. Тупело могут жить более пятисот лет. Несколько рощ существуют еще с доколумбовых времен. Они выстояли. Национальный чемпион среди черных тупело - кто бы мог подумать? - был ростом в 32 метра, с кроной, раскинувшейся на 18 метров, и 8,2 метров в обхвате [53].

Большинство корней деревьев задыхаются под водой. Корням нужен кислород. Но черные тупело и болотные кипарисы имеют губчатую ткань над поверхностью воды, которая поглощает кислород из воздуха, как вы и я. «Они на самом деле дышат», - говорит Ричард Хайнс, биолог, изучающий дикую природу в Национальном заповеднике "Уайт-Ривер" [54].

Может быть, вы не находите деревья и травы такими же милыми, как другие виды. Может быть, вы не думаете о них как о разумных или страдающих. Но они необходимы для существ, которые трогают ваше сердце и совесть. Масштабы того, что произошло на этом континенте, на этой планете трудно постичь, особенно когда знание приносит только горе всем, кто еще дышит. И если еще больше углубляться, поставить под сомнение саму природу сельского хозяйства, становится просто невыносимо. Мы живем в сельскохозяйственном обществе. Это как подвергать сомнению воздух или бога, или прогресс, или

человеческое выживание, личное и коллективное. Мы даже не знаем, как это поставить под сомнение. Мы живем, в основном, в пригородных и городских районах, земля под которыми давно уничтожена пилами и плугами, и запечатана в асфальт. Мы знаем, о чем пишут книги, пыльные и трогательные книги, с их визитами на промышленные животноводческие фермы, сравнимые со спуском в ад, с их праведным взвешиванием зерна - итого шестнадцать фунтов. Но мы не знаем ни о черных крачках, ни о больших педунах-барсучках, ни о красноголовых нырках. Мы понятия не имеем, кто умирает, чтобы накормить нас.

Мы не знаем, что собой представляет сельское хозяйство, потому что нам не рассказывали об этом, и мы не можем увидеть это сами. Мы не можем увидеть, потому что разрушение было настолько полным, что мы не знаем, как должен выглядеть мир. Я четыре раза проезжал через Индиану и понятия не имела, что когда-то тут были леса и болота. Кому, глядя на Индиану, придет в голову слово "болото"? И мне не приходило, пока я не прочитала «Девочку из Лимберлоста» Джина Стрэттона-Портера, роман для детей о целеустремленной девочке, которая использует свои знания о болотах, чтобы заплатить за обучение в школе. Болота Лимберлоста составляли 13 тысяч акров, защищенных еще 12 тысячами акрами заболоченных территорий. Государственный исторический музей под открытым небом "Лимберлост" посещает более 10 тысяч людей в год, и две трети хотят увидеть болото. Бекки Смит, куратор, должна объяснить каждому, что болота больше нет [55].

Почва, биологические виды, реки. Их смерть в ваших тарелках. Сельское хозяйство плотоядно: оно питается экосистемами, и оно заглатывает их целиком.

Может ли быть по-другому? Является ли разрушительной сама природа сельского хозяйства или же только то, как мы его ведем? И в этой связи, является ли сельское хозяйство тождественным пастбищному животноводству? Определенные животные, интегрированные в многолетние поликультуры, увеличивают

плодородность земель - они необходимы для здоровых лесных массивов, водно-болотных угодий, саванн и прерий. Но слишком большое количество животных или неподходящие их виды будут ухудшать состояние земли, порой до уровня пустыни. Как я писала ранее, белохвостые олени уничтожают леса на северо-востоке [США], потому что не хватает хищников. Без волков и пум сейчас оленей больше, чем было в 1491 году. Слишком высокий уровень выпаса крупного рогатого скота и коз на единицу площади довели земли до истощения во всем мире. Но это не свойственно природе жвачных животных; разрушительное их влияние возникает только тогда, когда разведением животных занимаются неумело.

Я убеждена, что выращивание однолетних зерновых - это деятельность, которую нельзя исправить. Оно требует полного истребления экосистем - земля должна быть очищена от всех форм жизни. Это разрушает почву, потому что почва оголена - и она должна быть оголена, чтобы вырастить однолетние растения. В районах с недостаточным количеством осадков сельское хозяйство требует орошения, что приводит к гибели рек и засолению почвы. Оно также требует бесконечного физического труда ради пропитания сомнительного качества. Оно разрушило целые культуры, оставило после себя рабство, классовое расслоение, милитаризм, демографический взрыв, империализм и, под занавес, карающего Бога-Отца.

Кто-нибудь смог вырастить однолетние монокультуры без разрушения? Может ли сельское хозяйство быть экоустойчивым?

Уэс Джексон пишет: "в большинстве стран Северной Европы и в Японии фермерство, на первый взгляд, ведется экологичным способом. Но когда мы рассматриваем успешные примеры детальнее, обнаруживаем, что существует целый ряд факторов, таких как характер осадков, система посева, тип почв и выращиваемой культуры, которые уникальным образом соединяются в экоустойчивое сельское хозяйство. Тем не менее, ни Северная Европа, ни Япония не могут и близко обеспечить себя продовольствием. И число людей или стран, занимающиеся экологичным сельским хозяйством, опыт которых стоит перенять ... ничтожно мало. Предполагать, что для решения проблемы сельского хозяйства достаточно скопировать опыт экологичных примеров земледелия, все равно, что предполагать, что если бы больше людей были такими же, как гражданин Доу, который никогда не нарушал закон, то полицейские или военные не понадобились бы. Однако, и

полиция и военные существуют, что является признаком несостоятельности общества как такового Но разве мы не должны постоянно искать способы, как сделать полицию и военных ненужными? Разве мы не должны стремиться создать сельское хозяйство таким, что отпадет необходимость в исключительных образцовых примерах в рамках нынешней сельскохозяйственной традиции?" [56]

Две трети всей суши не пригодны для однолетних культур, будь они разрушительными или нет. Там слишком влажно, слишком сухо, слишком жарко, слишком холодно или слишком круто, чтобы хотя бы попробовать. Но там, где можно заниматься сельским хозяйством, чтобы обеспечить сохранность почвы, дожди должны быть мягкими и равномерно выпадать в теплое время года. Климат также должен быть умеренным - при высокой влажности и температуре все биологические процессы происходят более интенсивно, и быстрее истощаются органические ресурсы, что делает верхний слой почвы слишком тонким и непригодным для сельского хозяйства (например, как в джунглях). Если климат слишком холодный, то биологической активности недостаточно для разложения органических веществ (как в Гренландии). Необходимые условия существуют только в нескольких местах на земле. Джексон называет Северную Европу и Японию. Обратите внимание, что в этот список не включены основные зерновые регионы мира, такие как американский Средний Запад. Там лето слишком жаркое, дожди слишком редкие, а бури слишком сильные.

Помимо климатических факторов и факторов местности, важно учитывать и методы выращивания. Чтобы обеспечить сохранность почвы, на полях чередуют выращивание однолетних монокультур с пастбищами - животные пасутся на многолетних поликультурах, а затем снова высаживают однолетние растения. Периоды выращивания однолетних культур разрушают почву; животные и многолетние растения восстанавливают ее. Если вам очень повезло, разрушение и восстановление будут примерно равны. Но этого невозможно достичь без одомашненных животных. Веганское сельское хозяйство, по словам Марка Перди, - это «экологическая пустошь» [57].

Билл Моллисон пишет, что природа создает верхний слой почвы примерно от 2 до 4 тонн/га в год, но при сельскохозяйственной обработке мы уничтожаем 40-500 тонн/га в год. При наихудших

исходах паводки или сильных ветра могут уничтожить две тысячи лет почвы за один сезон [58].

Существуют также непахотные методы. Они эффективны для замедления потерь верхнего слоя почвы. Но чтобы очистить землю, плуг заменяется гербицидами. Мне же не нужно никого убеждать, что распыление яда на огромных территориях - это плохая идея?

Итак, давайте рассмотрим сельское хозяйство без животных ради питания растительной пищей, которое по определению должно быть жизнеутверждающим и этически справедливым. Сначала отберем участок земли у кого-то другого, потому что история сельского хозяйства - это история империализма. Затем пройдемся бульдозером или выжжем все живое: деревья, травы, заболоченные территории. Пострадают все существа, большие и малые: бизоны, серые волки, черные крачки. Несколько видов - мыши, саранча справятся, но другие животные должны освободить территорию. Теперь высадим однолетние растения. Сначала с зерновыми и бобовыми все будет хорошо, они будут жить за счет органических веществ, ранее созданных уничтоженным лесом или прерией. Но, как и любой голодный зверь, почва будет уничтожать свои запасы до тех пор, пока не останется ничего - ни органических веществ, ни биологической активности. Когда ваши урожаи - ваша еда начнут сокращаться, у вас будет два варианта. Взять другой участок земли и начать заново или же начать удобрять землю. Так как книги, призывные и спорные, говорят, что использование продуктов животного происхождения по своей природе является жестоким и неэкологичным, то вы не можете использовать навоз, костную или кровяную муку. Поэтому, остается азот из ископаемого топлива. Нужно ли упоминать, что ископаемое топливо невозобновляемо, что его добыча является экологическим кошмаром, и что однажды нефть и газ закончатся?

Фосфор нужно будет получать из осадочных пород. Неспроста возникла популярная некогда картинка, на которой каторжный труд тюремных заключенных приравнивается к работе на каменоломне. Как вы будете его добывать, измельчать и перевозить без ископаемого топлива, используя только человеческую мускулатуру и не используя рабство? Чтобы получить калий, вы соберете древесный пепел, попробуете посадить покровные культуры и будете надеяться на лучшее. Между тем, почва превратится в пыль, раздуваемую по всему континенту, которая забьет реки. В 1934 году все восточное побережье

было покрыто густой коричневой дымкой - верхний слой почвы в Оклахоме был распахан для хлопка и пшеницы. Частицы земли дрейфовали, как злой призрак, стремясь запорошить города на Востоке и, в конечном итоге, отправиться на корабли в сотнях миль от берега, восславляя сырьевую экономику цивилизованного общества [59]. На этом сельское хозяйство заканчивается, заканчивается смертью. Деревья, травы, птицы и звери исчезли, а вместе с ними и верхний слой почвы. Масштабирование проблемы не станет ее решением.

Уэс Джексон предлагает в качестве решения сельское хозяйство, основанное на многолетних травах. Сейчас он занимается тем, что пытается одомашнить многолетние растения. Он пишет, что «сельское хозяйство само по себе является экологической проблемой, опережающей промышленное загрязнение», и этой проблеме он посвятил свою жизнь [60]. Он пытается вывести многолетние растения, которые будут выделять энергию на производство собственных семян. Помните, одна из радостей многолетних - это время, время развить корни и листья, а также плотный стебель, время размножиться не спеша. Многолетние травы не дают большого количества питательных семян, потому что им это не нужно. Однолетние, напротив, существуют в ограниченных временных рамках. С того момента, как они прорастают, их биологические часы начинают тикать. Их стратегия выживания - много крупных, жирных семян. Вопрос в том, можно ли сделать так, чтобы травянистые многолетние растения давали более крупные семена? «Я спрашивал нескольких авторитетных ботаников-генетиков, которые работали над этим вопросом, но они не только давали необнадлежающие комментарии, но и отвечали категорично «нет», когда их спрашивали о возможностях многолетних растений обеспечивать высокую урожайность», - рассказал Джексон [61]. Тем не менее, он пытается. Но так как Джексон является ученым, а не теоретиком, на его утопической ферме будущего будут пастись животные (коровы, овцы, буйволы, свиньи, куры), потому что навоз необходим для почвы. Кроме того, эти животные едят продукты, которые мы не можем есть (жесткую траву), и превращают их в продукты, которые мы есть можем (белок и жир).

Я не согласна с Джексоном в вопросе “зачем”. Не зачем защищать почву от истощения при выращивании однолетних монокультур. Но зачем тратить столько усилий? Его цель - создать сельское хозяйство, которое бы функционировало как прерия. Мой ответ, который больше

напоминает заунывный напев, состоит в том, что у нас уже есть прерии, точнее, были. Люди жили в саваннах и на равнинах миллионы лет, не разрушая их, и они не нуждались в улучшениях. Мы делили их с другими видами и ограничивали свою численность в рамках того, сколько может вместить территория. Мы не разрушили окружающий мир, который был нам домом. Нам нужно сельское хозяйство, которое функционирует как прерия. Наша численность вышла за пределы того, что Земля может вместить, поэтому мы не можем отхватить больше отведенной нам доли. Мы вынуждены превратить настоящие прерии в тенивые, потому что сельское хозяйство, особенно зеленая революция на основе ископаемого топлива, привели к значительному увеличению населения.

У Билла Моллисона также есть решение, действующее многолетние поликультуры, которое он назвал «пермакультурой». Он объясняет: “Даже самая идеальная обработка почвы всего лишь идет в ногу с природными условиями почвообразования” [62]. Лучшие однолетние зерновые культуры, с учетом правильного климата, рельефа и севооборота, могут только приблизиться к восполнению того, что они разрушают. Не создавать, как природа, а только восполнять. Конечно, разрушать меньше - это хотя бы что-то. Я думаю, что черные крачки уже умоляют: “Пожалуйста, меньше разрушений”. Но зачем вообще разрушать?

Механическое разрушение при зачистке и вспашке земель само по себе приводит к деградации почвы, но еще одной проблемой является засоление, вызванное орошением. Растворенные соли присутствуют во всей поливной воде. Поглощая влагу, корни растений отталкивают избыток солей, потому что слишком большое их количество убивает их. Проблема заключается в том, что соли начинают накапливаться в почве, и их количество в конечном итоге достигает токсичных уровней. В районах с обильными осадками может быть достаточным отводить соли через почву ниже уровня корней. Конечно, в этих областях орошение и не нужно. Нуждаются в

орошении более засушливые регионы, но там не выпадает достаточно атмосферных осадков, чтобы смыть соли.

Проблема усугубляется повышением уровня грунтовых вод. «В отсутствие адекватной естественной или искусственной дренажной системы вода скапливается в низинах» [63]. Это может занять годы, даже десятилетия, но в конечном итоге грунтовые воды поднимаются близко к поверхности и начинают испаряться. Когда вода испаряется с поверхности почвы, она вытягивает воды из-под земли, которая затем также испаряется. И вся эта вода оставляет после себя соли. Вспомните жаркий день, когда ваша кожа становится липкой от солей, выходящих вместе с потом. Это такой же процесс. В течение тысячелетий отчаявшиеся земледельцы пытались спасти свои земли, дополнительно орошая их, чтобы смыть соли, но это только усугубляло проблему, увеличивая уровень воды.

Целые цивилизации пали в результате искусственного орошения земель, и в основных зерновых регионах мира этот процесс не прекращается и сегодня.

Если вам нужно больше доказательств - передо мной перечень птиц. Большой певун-барсучок - маленькая птичка (12-15 сантиметров) с громким голосом. Она запускает свой клюв в опавшие листья в поисках насекомых. «Птенцы вылупляются, - сообщает Орнитологическая лаборатория Корнелла, - беспомощными и голыми» [64]. Восточная мухоловка может висеть в воздухе и летать назад. Черная крачка с ее великолепным блестящим оперением и общительным характером живет в стаях, которые могут насчитывать десятки тысяч особей - попробуйте представить, как выглядят двадцать или тридцать тысяч птиц в небе. Самец парусиногового нырка зазывно крикает во время ухаживаний, а самка, как и многие птицы-мамы, щиплет с себя пух, чтобы выстлать им гнездо.

Тут я останавлиюсь. Озвучивать список птиц - это все равно что устраивать переключку проклятых длиной до преисподней. И любая птица, зависящая от рек, найдет свое имя в этом списке.

Также у меня есть список рек, названия которых я никогда не слышала; их уничтожают ради орошения земель. Их направления меняют и осушают для выращивания таких культур, как пшеница, рис и хлопок, а также для промышленных процессов - гидроэнергетики и производства красителей. «70% всей воды из рек и подземных источников направляется на ... орошаемые земли, на которых выращивают треть продовольствия в мире», - пишет Фред Пирс в книге «Когда реки высыхают»; эта книга разобьет вам сердце. «В Египте, Мексике, Пакистане, Австралии и по всей Центральной Азии более 90% природных вод идет на орошение» [65].

Со времен Зеленой революции зерновые культуры дают больше зерна на акр, но для этого требуется и больше воды. Вода должна поступать откуда-то, а это означает, что будет больше плотин, больше колодцев, больше перенаправленных русел - и больше засоления. Мы используем не только невозобновляемые подземные воды из глубинных водоносных слоев, которые пополняются со скоростью таяния ледников, если вообще пополняются, но и создали «проекты, которые первоначально озеленяли пустыню, а теперь ее создают» [66]. Во всем мире 25 миллионов акров пахотных земель изымается из оборота каждый год из-за засоления почвы [67].

Рассмотрим Пакистан в качестве примера. Река Инд снабжает поливной водой 90% урожая Пакистана. (Учтите, что очень мало зерна в Азии и Африке идет на корм скоту - в третьей главе этот вопрос будет рассмотрен более детально.) Ежегодно из-за засоления выводится из оборота сто тысяч акров земли. На сегодняшний день одна десятая часть пакистанских сельскохозяйственных угодий уже больше не используется. Еще одна пятая заболочена, а четверть почти не дает урожая [68]. Карачи - самый быстрорастущий город в мире, население которого увеличивается за счет экологических беженцев.

В некоторых частях провинции Синд более половины земель бесплодны. Река Инд, один из первых оплотов цивилизации, в настоящее время высыхает на протяжении последних нескольких сотен миль своего русла. Дельта Инда - или можете вставить сюда Миссисипи, Ганг, Эбро, Желтую реку или Вольту - представляла собой водно-болотистую местность, густо населенную многочисленными видами, включавшими рыб, птиц и дельфинов. Но путь к морю повернулся вспять. Без ила, который когда-то несла река, дельта разрушается. Без барьера дельты море вторгается в реку. Миллион

акров, которые когда-то были мангровыми рощами, теперь мертвы, погребены океаном.

Или возьмем Индию. Две трети урожая в Индии зависят от подземных вод. Ступенчатые колодцы в северном Гуджарате когда-то были заполнены водой ниже отметки в 9 метров. Сейчас вода в колодцах находится на глубине 396 метров. Из целых районов в Тамилнаду и Гуджарате уезжают люди. По мере того, как речные наводнения уходят, и земли превращаются сначала в пустыню, а затем в призрак, их место занимает другое наводнение: поток людей из сельской местности течет в пухнувшее от трущоб города.

Рис, пшеница, кукуруза - однолетние зерновые, которыми вегетарианцы хотят накормить весь мир, настолько водолюбивы, что могут выпить целые реки. В странах, зависящих от сельскохозяйственных культур Зеленой революции, уровень потребления воды в несколько раз выше, чем в Европе. «Пакистан потребляет в пять раз больше воды на человека, чем Ирландия, в Египте - в пять раз больше воды, чем в Британии, а в Мексике - в пять раз больше, чем в Дании» [69]. Ирригация не «просто» разрушает водно-болотные угодья и прибрежные системы водоемов. Когда уровень воды падает, все деревья, уцелевшие от плуга, умирают от жажды, так как их корни больше не достигают воды. Все, что остается, это пыль. А пыль собирается в бури, распространяясь, например, с китайских пшеничных полей по всей Азии, «попадая в легкие жителей Пекина, закрывая школы в Корее, оседая на машинах в Японии, выпадая с осадками в горах и, пересекая Тихий океан, - в Западной Канаде» [70]. Желтая река начинается на плато в Тибете, в области, называемой «Землей тысячи озер». Более половины этих озер являются лишь воспоминаниями на карте, превратившись в пшеницу и рис на равнинах. Всемирный банк предупреждает о «катастрофических последствиях», если Китай не сможет прокормить свое население [71]. Реки также предупреждают нас, хотя и не говорят по-английски. Из 23 тысяч миль крупных рек Китая, в 80% больше не водится рыба. Если бы Земля могла написать жалобу, мы бы удовлетворили ее только увидев 2 простых слова: восемьдесят процентов.

Оставим в стороне ископаемое топливо для удобрений и транспортировки. Если вы живете в Берлингтоне, штат Вермонт или Санта-Крузе, штат Калифорния, и вы едите рис - вездесущий веганский

коричневый рис, то на самом деле вы едите мертвую рыбу и мертвых птиц, обитавших в акватории умирающей реки. Чтобы вырастить полкило риса требуется от 1100 до 3000 литров воды [72]. Представьте, что ваш рис был выращен в Северной Америке. Например, в Техасе или Калифорнии. Это территории засушливых прерий с низкорослыми травами. Точнее там должно быть так. Теперь представьте рис, ярко-зеленый, как и все тропическое, растущий в воде. Откуда там взяться этой воде? Теперь замените слово «дом» на «воду»: панцирные щуки и розовые колпицы, американские аллигаторы и желтоногие зуйки. На вашей тарелке смерть, смерть целой экосистемы. Но это происходит за пределами асфальтированных дорожек, далеко-далеко, в мире, о котором мы ничего не знаем [73].

Некоторые из проектов еще хуже: пшеница на краю пустыни Гоби (1180 литров воды / кг); рис в провинции Синд (2270 - 5900 литров / кг); содержание молочных коров в пустыне Сонора (2300 до 4600 литров воды на 1 литр молока). Тони Аллен, специалист по водным ресурсам, называет это «безумием» [74]. И это так. Но хорошее и плохое отличаются только степенью, а не сутью. Запруды на реках убивают их, они пересыхают. Орошение неизбежно приведет к засолению: как и любые захватчики, земледельцы солят землю. Пока не останется или асфальт, или пустыня - вариации на тему цивилизации.

Река Логон в Камеруне берет начало в тропических лесах бассейна Конго. Река и ее пойма были оплотом охотников и рыбаков, обеспечивая их дарами дикой природы на протяжении тысячелетий. Фулани, самый многочисленный кочевой народ в мире, обитали в этом регионе на протяжении веков. Затем пришла государственная рисовая компания и соорудила дамбу. Они хотели использовать воду для орошения рисовых полей. Одна дамба - и шестьдесят миль береговой зоны, пойма и ее богатая экосистема были уничтожены.

Можно было бы сократить всю мою книгу до следующих двух предложений. «Богатые пастбища с многолетними травами погибли, поэтому около 20 тысяч голов крупного рогатого скота покинули эти земли. Улов рыбы снизился на 90%» [75].

Сельское хозяйство уничтожило все на своем пути, включая и людей. Учитывая, что это Африка, они, вероятно, жили здесь в течение четырех миллионов лет, питаясь жвачными животными, пасущимися на траве, рыбой из рек, и другими животными, интегрированными в экосистему многолетних поликультур.

Мы можем подвести итог в еще трех предложениях. “Тем временем слоны и львы в национальном парке Ваза, одном из их последних убежищ дикой природы в Центральной и Западной Африке, покинули свои места обитания, когда на водопоях исчезла вода... Вода стремительно уходила из пойм, люди сражались за воду и пастбища. Многие уехали в отдаленные города” [76].

Эта последовательность повторяется в течение 10 тысяч лет. Последние люди, которые знают, как жить в согласии с природой, как интегрировать себя в живой ландшафт лугов и рек, вытеснены промышленными земледельцами во враждебный мир, где, подобно изгнанным животным, они наверняка умрут.

Мы все и есть эти люди, потому что в конечном счете никто из нас не выживет без лугов и рек, океанов и лесов. Деньги, особенно большие деньги, могут ненадолго поддержать нас. Но стрелка уже почти на нуле. У нас больше нет верхнего слоя почвы, нет воды, нет многообразия видов, нет резервов в атмосфере для углерода, который мы не можем перестать сжигать.

А еще есть Миссисипи. Забудьте про Инд и Логон - большинство жителей США не смогут нанести их на карту. Но Миссисипи проходит через сердце континента и во многих смыслах через сердце этой книги. Только 2% рек и водно-болотных угодий США не перегорожены человеком. Осталось менее половины первоначальных водно-болотных угодий [77]. Вдоль Миссисипи и ее притоков сохранилось только 20% лиственных лесов в низинах, они отрезаны от рек дамбами и обречены на медленное умирание [78]. Вместе с этим звучит и прощальный клич животных: парусиногового нырка, американского крокодила (вынужден

носить своих детей к воде в пасти), морской черепахи бисса, луизианского барибала, длиннорылого осетра из Мексиканского залива. Вам не обязательно слышать остальных.

Что вам нужно услышать, так это то, что река была уничтожена ради сельского хозяйства. Для выращивания зерновых в районах с жарким сухим летом требуется вода. Не живая река, а вода. Обширный выход реки из берегов. Водно-болотные угодья насыщаются илом и влагой, а затем медленно сбрасывают воду обратно в реку. Но земледельцам нужны земли. Они берут их у лесов, прерий и болот, и не хотят, чтобы их затапливало. И как только еда превращается в товар, ее нужно транспортировать от места, где она буквально отбирает почву у последних оставшихся в живых прерий, до населенных пунктов вдоль побережья от Портленда, штат Орегон, до Портленда, штат Мэн и по всему миру. Таким образом река превратилась в поток воды, ограниченный бетонными каналами, достаточно глубокими для барж, тянущих нефть и газ для энергообеспечения сельского хозяйства, а также перевозящих тонны зерновых, которые станут вашим хлебом насущным. Каналы не дают пресной речной воде питать низины, поэтому там скапливается соленая вода. Вырытые для барж глубокие каналы также увеличивают поток соленой воды, поступающей в заболоченные угодья. Соль, несомненно, убивает их.

Кроме того, таяние снега и сильные дожди увеличивают объем и скорость воды в каналах. Без водно-болотных угодий, которые поглощают избыток, сила воды накапливается до тех пор, пока неизбежные наводнения не приведут к катастрофическим последствиям. Тед Уильямс пишет: «Единственная защита от наводнений, которая когда-либо работала, - это водно-болотные угодья» [79].

Когда вода, наконец, врывается в Мексиканский залив, она насыщена химическими веществами - азотом с грядок и из навоза скота, выращенного на промышленных фермах, сверх той нормы, которая может удерживать нормальный баланс всех форм жизни. Избыток азота приводит к экспоненциальному росту водорослей. Когда водоросли умирают, бактерии приходят на пир. Сейчас там слишком много бактерий, и им нужен кислород. Им нужно так много кислорода, что ничто другое, что дышит, не выживает. Все, кто может быстро плавать - уплывают. Все, кто не могут - умирают. В устье Миссисипи есть мертвая зона размером с Нью-Джерси.

Использование синтетических азотистых удобрений приводит к исчезновению всего живого, поскольку эти удобрения разрушают биологическую активность - жизнь в почве. Удобрение навозом является этически неприемлемым для моральных вегетарианцев, которые считают одомашнивание «эксплуатацией», а также для политических вегетарианцев, которые считают, что все пахотные земли должны быть выделены под выращивание однолетних зерновых. Пустынные и мертвые зоны являются конечным результатом выращивания однолетних растений без животных. Да, фермы в бассейне Миссисипи могли бы применять удобрения более экономно. Пожалуйста, применяйте их более экономно. Возможно, мертвая зона может уменьшится до размеров Род-Айленда. Но разве об этом стоит спорить?

Я же хотела бы видеть мир таким:

“До того, как Инженерный корпус армии США «улучшил» реку, как они любят говорить, не было никаких наводнений и дамб, через которые Миссисипи могла бы прорваться. Американцы, живущие вдоль берегов, не тонули и не лишались крова, они лишь перемещали свои типи, когда река наполнялась. Они взбирались на возвышенности и ждали, пока река не начнет медленно расползаться через богатую мозаику лесистых островов, полей дикого риса, топей, лугов, лесов, прудов и прерий, неся с собой семена, обновляя землю мягким покровом влаги.

С такими ежегодными водными процедурами приходили на нерест большеротые и малоротые буффало и другие рыбы, покидая умирающие от засухи заводи, проходя через затопленные леса и луга, откладывая икру. Мальки откармливались на разросшемся планктоне, а летом потоки падающей реки загоняли их назад в русло, оставляя огромные грязевые равнины, на которых кормились мигрирующие береговые птицы. Выдры наедались рыбы; пумы патрулировали заросли тростника; волки охотились на бобров в пойменных лесах. Во время весенних и осенних миграций утки, гуси и другие водоплавающие птицы перемещались вверх и вниз по Миссисипи, отдыхая и питаясь на обширных водно-болотных угодьях, поддерживаемых необузданной рекой” [80].

А кроме реки была прерия, где обитали бизоны, антилопы, серые волки и черные хорьки. И люди. Мы тоже когда-то жили там, мы не были сверху, мы были частью. У нас есть выбор, и этот выбор не между жизнью и смертью. Это выбор между хищниками и разрушителями,

между едой, частью которой являемся, и едой, которую мы навязываем всему миру.

В заповедник Кламат прилетают 80% мигрирующих водоплавающих птиц Тихоокеанского маршрута. На озере Кламат обитает самая большая популяция белоголовых орланов в континентальной части США. Река Кламат была когда-то третьей самой богатой на лососевые речной системой в Северной Америке [81]. Популяция лососей сократилось более чем на 90%. Такое сокращение популяции для некоторых видов ставит их под угрозу исчезновения.

Лосось считается ключевым видом.

“Ключевой вид - это вид, который оказывает непропорциональное воздействие на окружающую среду по отношению к его численности. Такой организм играет ту же роль в экосистеме, как и замковый камень в арке. Несмотря на то, что замковый камень несет наименьшую нагрузку, арка без него рухнет. Точно так же и экосистема может испытать резкий сдвиг, если ключевой вид исчезнет, даже если этот вид был небольшой частью экосистемы по показателям биомассы или числу особей.” [82]

В случае с северо-западным лососем их нерестовые тела принести огромный приток питательных веществ для других обитателей реки. Они кормят медведей, выдр, цапель, орлов. Тонны азота содержатся в рыбе и распределяются по прибрежной территории, когда животные едят, переваривают и испражняются. В этом круговороте питательных веществ рыба питает деревья, и это важно, потому что деревья имеют решающее значение в жизни реки. Деревья дают тень, которая сохраняет реку прохладной, обеспечивая разнообразие форм жизни. Деревья накапливают воду, которая приходит с весенними дождями или от таяния снегов, а затем постепенно высвобождают ее, когда земля медленно высыхает при повышении температур. Это поддерживает высокий уровень воды, чтобы обеспечить рыб кислородом. Рыба кормит деревья, деревья защищают рыбу. Между

рыбой и деревьями находится целый ряд видов - от дафний до орлов, а под всеми ними - почва.

Вдоль реки Кламат протянулась длинная череда ферм. И это при том, что в регионе выпадает только 30 см осадков в год - река отдает свои воды фермам. В результате ирригационного проекта Кламат, большая часть воды из речного бассейна в Орегоне была перекрыта дамбой и направлена на орошение. В 2002 году уровень воды стал настолько низким, что погибло от 34 тысяч до 68 тысяч рыб [83]. Они поднимались на поверхность за воздухом, мучались и, наконец, задохнулись. Их надутые гниющие тела плавали по поверхности; мне рассказывали, что вонь была невыносимой. И все это ради сельскохозяйственной продукции - картофеля, зерна, лука, и для скота.

Два месяца спустя я участвовала в конференции активистов. Мы были радикальны, отстаивали правду и спорили из-за еды. На конференции подавали только вегетарианскую еду, но все больше и больше людей находили это недостаточным. Были ли другие варианты? Нет, потому что невинные животные не должны умирать. Между тем на кухне целая полка холодильника была забита салатом. Где он был выращен? Кто знает точнее, чем "где-то далеко". Вероятно, в Калифорнийской долине, где когда-то водоплавающих птиц было столь много, что они закрывали собой солнце над рекой Сакраменто. Но река и ее водно-болотные угодья были стерты с лица земли сельским хозяйством, чтобы выращивать салат, помидоры, артишоки: ненасильственные, вегетарианские, по своей природе более экологичные, чем продукты животного происхождения. По крайней мере, такова была позиция моих соратников.

А на кухонной полке лежали три мешка картошки с надписью «Выращено в Орегоне». "Ни одна невинная река не погибла за мою еду", - хотела ответить на это я. Но мне было уже за тридцать, поэтому я лишь сделала глубокий вдох. Я пыталась объяснить, что дело не только в том, что у тебя на тарелке. Есть гораздо более важные вопросы. Но никто не хотел их задавать.

Это моя книга, поэтому я задам их здесь. Что может накормить людей на 30 см осадков в год? Дополните вопрос фразой "не разрушая хрупкую экосистему?" Хрупкую экосистему, в которой есть река? Зачем проходить через все трудности сооружения дамбы и разрушения реки, если она уже богата на ресурсы и еду, а затем корпеть над выращиванием лука, люцерны, пшеницы, когда можно

просто сесть и ждать рыбу, которая приходит каждый год? Это кажется безумием только мне? Коровы или другие крупные жвачные животные, например, лось, могут питаться местными травами, хотя и в гораздо меньших количествах, чем на требующей влаги люцерне. Любая попытка вырастить однолетние культуры, такие как пшеница или соя, будь то на корм скоту или на пищу вегетарианцам, уничтожит эту землю. Это в конечном счете уничтожит большую часть земли, но вы увидите результаты быстрее в засушливой среде.

Вегетарианцы по этическим убеждениям верят - и верят в это всем своим сердцем, имея на то веские причины, что вопрос состоит в жизни или смерти.

Но это не тот выбор, который природа предлагает нам. Мы все - яблоня и кижуч, дождевой червь и крачка - сначала хищники, а затем жертвы. Жизнь или смерть? Это не тот вопрос, который может нас спасти.

А этот вопрос может: "Что растет там, где вы живете?" Спросите, и вы поймете многое. А чтобы ответить, нужно знать то место, где вы живете. И если ваше пропитание, ваше выживание зависит от места, которое начинается у вашего бьющегося сердца и простирается настолько далеко, насколько ноги могут унести вас за один день, вам придется изучить реки и леса, почву и дождь.

Деррик Дженсен пишет: "Если ваш опыт ... заключается в том, что ваша еда поступает из продуктового магазина (а вода из-под крана), из экономической системы, из социальной системы, которую мы называем цивилизацией, то за ее блага вы и отдаете свою жизнь ... Если вашу еду и воду вы получаете из земли ... вы будете давать и выполнять обещания своей земле в обмен на эту еду Вы будете нести ответственность перед обществом, которое снабжает вас едой и водой. Вы будете защищать это общество до самой смерти." [84]

Вопрос "Что растет там, где вы живете?" подразумевает "что может расти, что должно расти, и кто должен выращивать"? Для всех нас это также означает, "кто разрушает место, где вы живете?" Коррупцированные или даже тоталитарные правительства? Политический диктатор? Асоциально-экономическая система, в которой советы директоров являются субъектами права, не несущими ответственность ни за что, кроме прибыли акционеров? Угольные или

лесопромышленные компании? Триумвират нефтяной, автомобильной и строительной отраслей, который буквально прокладывает дорогу в ад? Всемирный банк? Или просто слишком много людей, чтобы место проживания могло обеспечить полноценное пропитание, как это было раньше? Более ста стран зависят от зерна из Канады и США, и это зерно составляет 60% всего экспорта. Так, Массачусетс импортирует 85% своей еды. Во времена, когда Массачусетс мог обеспечить всех своих жителей едой, было вдвое меньше людей, и земля была на 90% обезлесена, поэтому и возникла проблема [85]. Сегодня слишком много людей проживает на ограниченной территории, любой территории, и чтобы обеспечить их пропитанием, мы постоянно стоим перед выбором Хобсона (выбор без выбора): выращивать ли нам столько сколько можем на местном уровне, и уничтожить при этом местные земли, или же импортировать и уничтожить чужие земли?

Вопрос “Что же растет там, где вы живете?” становится вопросом “Почему нас так много?” Это приводит к вопросу о том, кто контролирует женские тела. На самом деле женщины? Или женщины - это просто еще один ресурс, который мужчины используют в бесконечном стремлении доказать свою токсичную маскулинность и возвращать солдат для поддержания состояния войны, неизбежного для цивилизации? Маскулинность и война против людей, против планеты вместе создали вечный двигатель господства и разрушения земли и прав человека. Нам нужно остановить и то и другое, чтобы спасти эту планету. Вот почему милитаризм - это феминистская проблема, насилие - это проблема окружающей среды, а разрушение окружающей среды - это проблема мира во всем мире.

Все это массовые побочные эффекты одного и того же процесса обезличивания, превращения живых существ в вещи. Дождь, река, высокотравье - они члены вашего сообщества? Обеспечиваете ли вы себя пропитанием полностью или же живой верхний слой почвы - это просто слой, который вы используете до тех пор, пока он не превратится в пыль? Являются ли ваши соседи - люди из других стран участниками общего дела по заботе о планете, или они являются лишь рабочими руками, занимающимися сборкой ваших мобильных телефонов? А сколько солдат потребуется, чтобы они продолжали их собирать? Если вы мужчина, нужна ли вам женщина, чтобы приготовить ужин и родить сыновей? Если вы женщина, вы,

безусловно, хотите большего. Но каждый из нас видит, что планета умирает под цивилизационным режимом: какой ценой сможем мы это остановить?

Что растет там, где вы живете? Один простой вопрос, который может спасти мир.

На этом этапе моего самообразования отчаявшемуся вегану внутри меня пришлось признать следующее: сельское хозяйство невозможно на двух третях земного шара. Там слишком холодно, слишком круто, слишком влажно или слишком сухо. Тогда люди не должны там жить, заключила я. То, что я жила в одном из таких мест - Новой Англии с ее холодными скалистыми холмами, с тонкой кислой почвой - было вытеснено из моего сознания. «Новая Англия - естественная лесная зона, и сельское хозяйство никогда не подходило для большей части ее территории» - прочитала я и тут же забыла.

Я также вынуждена была признать, что выращивание однолетних монокультур даже в местах, где это возможно, в конечном итоге разрушит почву. Моими последними надеждами был Уэс Джексон, и я молилась, чтобы он добился успеха при моей жизни, а также туманный план вырастить много ореховых деревьев, когда моя желанная ферма наконец материализуется.

Я признала, что орошение земель неоправданно. С этим у меня не было проблем. Если это означало уменьшение населения, то нам нужно было заняться сокращением численности людей и повышением статуса женщин [87].

Я признала, что мне понадобятся домашние животные - их труд и продукты их жизнедеятельности для экоустойчивого ведения сельского хозяйства. Мне нужен был их навоз, их немислимые кости, их непостижимая кровь. Я сновала взад и вперед по очень тонкой этической границе, в ужасе от своей собственной готовности даже рассматривать участие в одомашнивании, которое по определению было эксплуатацией животных. Как я могла остановить насекомых, пожирающих мою еду? Куры и утки были решением пермакультуры,

противоположным решению веганов. А как насчет удобрений? Возможно, я могла бы найти другую кучу никому не нужного навоза. Может быть, но это все равно что предлагать копаться в мусорном ведре для решения финансовых проблем. Я бы только маскировала проблему и притворялась, что все в порядке. Главный факт был неизменным: кто-то должен был держать коров и коз, чтобы я могла использовать навоз. Животные, которых держали ради молока, мяса и яиц, были необходимы для моей еды, независимо от того, просто содержала бы я их или также ела.

Может быть, - и тут я ступила на сторону зла, - может быть, я могла бы их содержать, не эксплуатируя? Я могла бы содержать никому не нужных животных - старых кур, козлов, позволить им жить естественной для них жизнью, а взамен я могла бы получить навоз, а также избавление от насекомых? Что ж, это был компромисс, зависимый от мяса и молока. Но эти животные уже существовали. И им не нужно было умирать. Ведь так?

А другим все же пришлось. Я вступила в смертельную схватку с слизнями. В засушливые годы они ополчились на сад. В дождливые годы они опустошили его. Я высаживала рассаду, а через 24 часа она была вся съедена. О яде не могло быть и речи. Он бы уничтожил миллионы микробов, а птицы и рептилии накапливали бы его по пищевой цепи, распространяя рак и генетические повреждения на и без того страдающей Земле. Поэтому я попробовала органическое решение - кизельгур.

Это сработало. Через два дня в саду исчезли слизни, и салат стал моим. Позже я узнала, как это работает. Диатомовая земля - это окаменелые тела мелких доисторических существ, измельченных в порошок. Каждая частица порошка имеет крошечные острые края. Кизельгур убивает механическим воздействием. Животные с мягким покровом, как у слизней, ползают по нему, и он наносит миллионы порезов на коже. Они умирают от медленного обезвоживания.

Я была в ужасе от того, что я сделала, но еще больше от того, чего я не знала. В чем было большое злодеяние? Было много общего между сторонниками вегетарианства и органического земледелия, и те и другие выступали под знаменем экоустойчивости с подходом от прогрессивного до радикального. Существовал туманный некто, который знал, что телятина означает пытку, что травы - народное

средство от всего, что печенье “Ореос” содержит сало [88]. Моллюски - это животные, но почему они никого не волнуют?

И через секунду я получила ответ: слизи не могли кричать.

Медные барьеры защищают от слизи, но это было слишком дорого. Я перепробовала всевозможные народные средства: я молилась, я пела, я сжигала священные травы с близких и далеких континентов, я делала подношения, я умоляла Великую Мать Слизней. Но рядовым слизням было все равно. Они хотели есть, и я не могла их в этом винить.

Поэтому я попыталась собрать их вручную. Я поставила будильник на полночь и вышла в темноту, где холодная роса насквозь пропитала мои веганские парусиновые кроссовки. Я собирала, и собирала, и собирала. Я замедлила темп, с которым они выигрывали, но они все равно победили. На утро у меня был пластиковый контейнер с слизнями. И что теперь? Было ли где-нибудь Убежище для слизи с ферм? Я надела все еще влажные кроссовки, села на велосипед и поехала туда, где заканчивались дома, и начиналась опушка леса. Что дальше? Я знаю, вы стораеете от нетерпения. Я отпустила их. Что, как вы можете представить, заняло немного больше времени, чем, скажем, выпустить белку. В конце концов они все проложили себе путь к свободе. Я наблюдала за ними, и это наблюдение вылилось в осознание: им было нечего здесь есть. По крайней мере, по сравнению с моим садом. Два плюс два равно ... Вот почему в моем саду их было так много.

А здесь? Здесь они будут голодать. На этом небольшом участке с деревьями уже было достаточно слизи. Вот что делает природа - она заполняет каждую нишу. Если дают бесплатный обед, его кто-нибудь съест. В этом тихом местечке среди деревьев осознание, которое приходит с зрелостью, начало заполнять меня, как медленная река. Слизни - эти или другие - собирались умереть, и они собирались умереть, чтобы я могла есть. Но деревьев это вовсе не беспокоило, по крайней мере, мне так казалось. Тишина леса, долгий глоток времени сквозь деревья и листья, они гниют и возрождаются снова - об этом их собственная молитва. И это была не молитва покаяния, а молитва благодарения.

Если слизи должны были умереть, тогда я должна была быть честной. Я должна была посмотреть правде в глаза. Моя еда - моя жизнь должна была быть честной и храброй. Если бы мне пришлось

убивать - с комком в горле, с высоко поднятым подбородком - то, по крайней мере, я сделала бы это, причиняя минимальную боль. Диатомовая земля управилась за два дня. Несомненно, существовало что-то быстрее.

Пиво. Слизни его любят. Они пьют, пока не опьянеют, а потом тонут. По крайней мере, они умирают под наркозом и счастливыми. Я купила большую бутылку дешевого пива и расставила маленькие контейнеры по грядке с салатом. Я ушла спать с полным пониманием - сегодня я убийца.

Я проснулась в 2 часа ночи в панике. Я не могла этого сделать. Кеды на ноги, роса в кеды, пиво на грядку. Даже если бы мне пришлось забыть о моем саде на год, по крайней мере, я не убивала.

Неделю спустя я была вынуждена пойти в продуктовый магазин, все еще испытывая облегчение, что я не убивала. Своими чистыми веганскими руками я взяла кочан салата.

Кого, черт возьми, ты обманываешь? Возможно, это были первые слова моей взрослой жизни. Думаешь, люди, которые выращивают этот салат, не убивают слизней? Или, если они этого не делали, какую ценность несет еда, выращенная на земле, выпотрошенной промышленным сельским хозяйством на столько, что там нет никакой другой жизни, кроме салата, окуренного химией?

И не только слизни. Кролики, еноты, сурки, олени. Я знала, чему противостояла моя еда. Я понимала, что в этом отделе вегетарианских, даже веганских продуктов, спасения не было. Смерть затаилась во вспыхнувших красным перцах, в сладости беременных дынь. Она пряталась за крепкой зеленью брокколи и защищала хрупкую нежность салата.

И я увильнула еще раз. Ладно, слизни должны умереть, но не от моих рук. Я могла бы завести кур и уток, и они сделали бы это. За меня? Нет, это было в их характере, их инстинкт - охотиться на насекомых. И смерть от утки была быстрее, быстрее, чем диатомовая земля. Так быстро, как решила природа. Разве смерть не естественна?

Да или нет? Какой ответ хотела бы я услышать?

Если смерть естественна - часть жизни, а не оскорбление жизни - тогда почему я была веганом?

Тогда я не стала задавать себе этот вопрос. Вместо этого я обратилась к книгам по птицеводству. Я мучилась, я много думала, я избегала правды. Я переехала в дом на пяти краях земли, два из

которых были лугом, а на остальных - лес с кленами и соснами. Можно было основать ферму.

Привезли двадцать пять птенцов, коробка милоты из плоти и крови. Обожание младенцев ничто с тем обожанием цыплят, которое охватило меня. Я могла часами просто смотреть на них. Они были радостью моей жизни. Через год к ним присоединились утки и гуси, а затем цесарки и голуби. Для них было естественным выполнять те задачи, которые мне были нужны. Они ели букашек. На самом деле куры ели все, что двигалось: мышей, лягушек, змей. Однажды я нашла хвост бурундука во дворе: только хвост. Я видела, как они гонялись за белками, что казалось мне забавным, пока я не поняла, что если бы они были достаточно умны, чтобы охотиться стаей, они могли бы поймать белку. На самом деле, субъектно-объектное положение «люди едят кур» можно полностью изменить. Они в основном ели все, что я есть не хотела, а также то, что я совсем есть не могла, например, траву. Я никогда не забуду тот день, когда я принесла Чудо, маленького утенка в сад. Мне не нужно было учить его. Он все знал сам. Он проглотил одного жучка и радостно закричал: «для этого я и родился!» Слизни превратились в давнюю историю. И я не убивала.

“Эйхман тоже не убивал,” - шептал Веганский голос истины. Были ли это концлагерь для животных, покрытых шерстью, оперением или с экзоскелетами? Но все выглядело так мирно. Поиск жуков делал птиц такими счастливыми.

К тому же, "Arbeit Macht Frei" ("Труд освобождает" - пер. с нем.). Все, что сделал Эйхман, это организовал перевозку. Разве это не то же самое, что делаете вы?

“Но я должна что-то есть”, - взмолилась я, натянув до предела свою этическую струну. Что-то, а не кого-то.

У далеких берегов веганского мира простиралось море голодных фруктарианцев, а если отправиться в путь дальше, то можно приплыть к обетованной земле праноедов - они верят, что людям на самом деле не нужно есть.

На моем веганском пути я встретила некоторых из них. Они были слишком зациклены на еде. Когда они снова смогут есть, как мало или как много - было центром их внимания. Мучители или замученные?

Я помню Старлинг с половиной стакана йогурта, всего полстакана, один раз в день. Банан на завтрак, немного йогурта в обед, яблоко в 16:00. Она «отучала» себя от пищи, чтобы перейти на питание

только воздухом через 6 месяцев. Смотреть, как она ест, было похоже на наблюдение за спортсменом - выверенный баланс между усилием и дисциплиной. Откусит ли она еще? Слизнет ли каплю с ложки? Или она заставит себя дойти до совершенства, безусловно выполнить трюк, достичь торжества воли и получить награду - изящество без усилий? Вот где заканчивается анорексия и начинается чистая физиология голодания - тело перестает требовать еды. Но тогда я этого не знала. В подходе Старлинг было что-то, чего мне тоже хотелось: благость без нужды и голода, без смерти. И, если путь туда был больше похож на наказание, я была готова терпеть ради цели праведной и благородной.

Так насколько благородной была эта цель? Я смотрела на нее своими веганскими глазами, и мне казалось, что я видела конечную точку моего отчаянного желания не участвовать в убийствах. Зачем убивать хотя бы растения, когда мне вообще не нужно было убивать? Но, когда я смотрела своими феминистскими политическими глазами, я начинала сомневаться. Религии во всем мире проповедуют аскетичные практики, такие как строгое голодание, и общим для этих религий был патриархат. Бог мужского рода отделен от земли, и святость достигается только путем отрицания плотского мира. Женщины представляют собой греховное искушение, наши тела олицетворяют стыд вместо чуда. «Жить без еды - это отрицать необходимость материальной основы мира и земных связей», - пишет Джоан Джейкобс Брумберг в своей книге «Голодающие девочки: история нервной анорексии» [89]. Язычник во мне восстал против идеи демонизации голода, секса, тела - самой жизни. Был ли способ голодать без голода? Чтобы ощущать полноту жизни я готова была жить на воздухе, свете, энергии, космосе. На чем угодно, лишь бы не было смертей.

Во мне боролись два конкурирующих начала, две системы политических убеждений, которые глубоко укоренились, но при этом противоречили друг другу. В двадцать шесть лет победил практик: я знала, что должна есть. Даже будучи подростком мне было тяжело сидеть на диетах. Я не могла примириться с голодом - он делал меня слишком несчастной, и всегда заканчивался алкоголем. Поэтому я отставила в сторону пример Старлинг с ложкой евхаристического йогурта и все мои вопросы о плоти, боге и благодати. Я была веганом. Это было правильно, и этого было достаточно.

За исключением того, что я организовывала убийство животных ради своего блага. Мой личный Освенцим. Возможно, пришло время вернуться к пранаедам. Тогда Эл Гор изобрел интернет, и получать информацию стало проще. Я нашла праноеда Питера, ростом 1,80 м и весом в 52 кг. Он так гордился собой, что выложил фотографии. На них было жутко смотреть. Сказать, что он был истощен - все равно, что ничего не сказать. Он размещал ссылки на сайты, пропагандирующие анорексию и использовал триггеры, чтобы это расстройство пищевого поведения уж точно никуда не делось. Он предлагал научить, как избавиться от пагубной привычки - нет, не от ненависти к себе, а от еды. «Вас не рвет?? Если нет, хотите попробовать?» [90]

Было ясно, что мне не нужно было погружаться глубже в его счастливый, здоровый мир. А как насчет других сайтов, которые намекали на мистические способности? Джасмухин (Эллен Грев) утверждала: «Я могу месяцами ничего не есть, только выпить чашку чая. Мое тело функционирует на другом типе питания» [91].

Австралийская телевизионная программа “60 минут” организовала медицинское наблюдение за ней. Доктор Беррис Винк, президент Квинслендского отделения Австралийской медицинской ассоциации заставила ее прекратить эксперимент через четыре дня. Ее речь замедлилась, зрачки расширились, и она была «совершенно обезвожена, вероятно, более чем на 10%, ближе к 11% ... Ее пульс участился в два раза по сравнению с началом эксперимента. Если она продолжит, то есть риск возникновения почечной недостаточности».

Затем появился основатель Института праноедения Америки с довольно подходящим именем Вили Брукс. Он утверждал, что он был праноедом в течение тридцати лет. В 1983 он был замечен выходящим из 7-Элевен с хот-догами и коробкой “Твинкис” (бисквитное печенье - прим. пер.). Он признался, что иногда прерывал голодание Биг Маком и кока-колой. Он объяснил, что, поскольку он был окружен нездоровой пищей, ее употребление восстанавливало баланс. Как вам такой новый подход в защиту “Твинкис”?

Далее люди стали умирать: Верити Линн, воспитатель из детского сада Тимо Деген, Лани Марсия, Рослин Моррис. Джим Вадим Песнак и его жена Евгения отправились в тюрьму на три года за доведение Морриса до смерти.

Хира Ратан Манек утверждал, что он может жить на воде, иногда добавляя чашку чая, кофе и пахту. Он был под наблюдением в течение

трех долгих периодов голода, во время которых он сильно похудел. В публикациях, освещавших этот эксперимент, указывалось, что десятки людей имели доступ к Манеку во время исследования, а само исследование не соответствовало западным научным стандартам.

Прахлад Джани также утверждал, что он праноед, однако Ассоциация индийских рационалистов называла его «деревенским мошенником». В литературе разного толка содержится достаточно интригующих историй, по крайней мере для тех, кто склонен в них верить. Практикующие китайский цигун и другие мистические традиции также рассказывают о сверхспособностях. Доверчивые и отчаявшиеся могут найти огромное количество материалов по теме.

Все дело в точке зрения. «Дорогая, ты думаешь ...», - я запнулась. Произнеси что-нибудь вслух, и сразу это станет более реальным. Я выдавила из себе слово «праноед».

«Лиерр», - моя подруга ответила тем тоном сознательно подавленного раздражения, который она отточила до совершенства благодаря мне, - “это называется анорексией. И, - продолжила она, выделяя каждое слово, чтобы смысл точно дошел до меня, - если ты это попробуешь, я уйду от тебя.”

Голос разума может стать огромным облегчением для таких людей как я.

«Но древний мистический тибетский...» - начала я, очень надеясь, что она меня остановит.

«Хорошо, давайте притворимся, что это правда. Ты действительно думаешь, что лучшее, на что ты можешь потратить свою жизнь - это отправиться в Тибет в поисках какого-нибудь учителя, сидящего на горе, который научит тебя как не есть? Это действительно то, что ты хочешь сделать с тем временем, которое тебе отпущено?»

Оценив варианты, я поняла, что “нет”. Спасение мира казалось более важным. Я была свободна.

Но взамен мне пришлось принять смерть. Помимо слизней, были другие существа, которые должны были умереть, и их было так много, и у всех них были матери и лица. Информация становилась знанием, знанием, которого у меня не было, потому что никто мне об этом не рассказывал. Меня учили смотреть в обе стороны, прежде чем переходить дорогу. Я научилась читать тогда же, когда научилась говорить. Еще маленькой я знала, откуда берутся дети. Я помню, как в пять лет со всей серьезностью объясняла слово «влагалище» другой

маленькой девочке. Я не знал словосочетания «наделение силой», но в этом была суть моего порыва. А еда? Это был пробел в знаниях, который я восполнила только в свои почти сорок лет, и только после борьбы с эмоциональным, физическим и моральным истощением.

Итак, у меня было двадцать пять кур. А также мертвые насекомые, с которыми я могла играть в этические прятки. Но двадцать пять куриц означали двадцать пять мертвых петухов. И вот почему.

Животные могут размножаться в соотношении полов 50/50, но они не обязательно живут таким образом. Распространенная модель заключается в том, что мужские особи достигают зрелости и участвуют в битвах за доминирование, пока лишние самцы не будут убиты или изгнаны. И правда в том, что быть изгнанным - значит умереть. Куры обычно живут группами, и на 20 куриц приходится один или два петуха. Это не имеет ничего общего с людьми. Это то, как куры живут как вид. Петухи бьются до тех пор, пока большинство из них не умрет или не исчезнет. Исчезнет где? В желудке хищника. Или в желудке человека.

Жестоко насаждать лишних петухов в стаю, жестоко по отношению к курам. Петухи топтали бы их слишком часто и оставляли кровавые царапины на спине. Я бы назвала это жестоким обращением с животными. Так что же мне было делать с лишними самцами? Я пыталась держать кур и петухов отдельно, но мальчики все время патрулировали забор, пытаюсь проникнуть к девочкам. В свободное от этого время они наносили друг другу тяжкие телесные повреждения. Шум был невыносимым. Я боялась представлять быков на месте петухов. Это был мой первый год содержания кур под лозунгом: «Яйца, но не мясо!» Я отчаянно пыталась провести черту так, чтобы оставаться на стороне морали. В конце концов я нашла куда пристроить двух лучших петухов - черного австралорпа и араукана.

А остальные? Я отдала их соседям, которые выращивали птиц на мясо. Были ли мои руки чисты? Только если на них не смотреть. Моей земле были нужны куры. Некоторые из них должны были умереть. Независимо от того, съела бы я их или кто-то другой, чтобы моя еда была экологически чистой, некоторые животные должны были умереть. Я пыталась покупать только куриц, но я уже знала то, чего избегала. Если я куплю двадцать пять кур-несушек, останутся двадцать пять их братьев, которые никому не нужны. Никто не хотел петухов.

Курицы стоили от 1 до 3 долларов за каждую. Петухов они не могли раздать и бесплатно. Люди, выращивающие своих собственных бройлеров, покупали цыплят корнуэльской породы, которую вывели для мяса [92].

Итак, я узнала, что петухов убивают. Их превращают в корм для домашних животных или в огородные и садовые удобрения. Это означает, что их съели либо ваши домашние животные, либо, после того как на них выросли растения, - вы.

Пожалуйста, не предлагайте мне выпускать петухов "на волю" где-нибудь в лесу. Люди постоянно бросают животных в сельской местности. Они умирают. От голода или в лапах хищников. Гораздо гуманнее и честнее их убить. По крайней мере, как человек, вы можете сделать это быстро.

И если они не умрут, если им удастся выжить - поздравляю. Вы только что запустили чуждый экзотический вид, который занял место местного вида, возможно, еще одной наземно гнездящейся птицы на грани вымирания. Одичавшие свиньи - пример одомашненных животных, способных выживать в дикой природе, но они разрушают экосистемы в таких местах, как Гавайи. У местных растений и животных нет защиты от них, особенно от их привычки рыть землю, и у них нет врагов - некому сдерживать их численность.

Это лишь часть разговоров о птицах и пчелах, в которых, похоже, не участвовали городские жители, в том числе вегетарианцы. Животные размножаются. А вот и дополнительный урок математики. Если у вас есть десять акров земли и десять коров, в следующем году у вас будет двадцать коров - это вдвое больше, чем может вместить ваша земля. Предполагая, что половина новых телят будут самцами, у вас будет пятнадцать самок и пять самцов. В следующем году у вас будет тридцать пять коров, что в 3,5 раза превосходит ресурсные возможности вашей земли. К этому времени пастбище превратится в голую землю, и все будут голодать.

Итак, существуют две проблемы. Всегда будут лишние самцы. Безусловно, на большинстве ферм это не проблема, потому что цель - это еда, а «мясо» - это не только слово из четырех букв. Фермеры едят петухов, а также самцов млекопитающих. Но также будут и лишние самки. Чтобы молочные животные давали молоко, они должны вынашивать детенышей каждый год. Молочная корова должна давать молоко от двенадцати до четырнадцати лет. Это значит, что у нее будет

около одиннадцати телят. Только один нужен, чтобы заменить ее. А остальные десять? Как вы думаете, откуда берется телятина? Вот почему я была веганом, а не вегетарианцем. Вот почему веганы называют молоко «жидким мясом». И я не могу назвать вам количество вегетарианцев, которые годами отказывались мне верить. Просто отказывались, и все.

«Пойди спроси молочного фермера,» - это было моим последним аргументом. Но они не были знакомы ни с одним фермером.

Я была на фермах, которые пытались балансировать между веганством и экоустойчивостью. Все содержали домашних птиц: кур, уток, цесарок. «Это компромисс», - неизменно повторяют они, всегда защищаясь. Других это озадачивает. Компромисс? Разве куры не живут на фермах? А фермерам не нужны куры? Компромисс возникает, только если накладывать веганскую этику на биологическую природу почвы и круговорот питательных веществ. Это факты, которые сталкивают веганов с “Маленькой фермой ужасов” и растениями, требующими еды!

Я провела выходные на одной из этих ферм для конференции по возрождению местной экономики. Это было в северной части штата Нью-Йорк. Инструкция, как добраться начиналась со слов: “направляйтесь в Канаду, затем поверните”. Было холодно даже в августе. Они сказали, что были веганами и использовали пермакультуру. То, что я увидела, было сложносочиненным гибридом, и, как и все гибриды - фактически бесплодным. Было много грядок с многолетними растениями, плодовыми деревьями, виноградными лозами и кустарниками, огороженных и обсыпанных мульчей. Повсюду были расставлены таблички: «По грядкам не ходить».

«Пожалуйста, не ходите по грядкам», - повторял Даг. Он был настолько изможден, что, когда я впервые увидела его, мое сердце пронзила боль сострадания. “Рак, химиотерапия, о, Боже”, - такой была моя первая реакция. Но он не умирал. Он просто не ел. Стажеры - молодые, серьезные, преданные, тоже выглядели плохо. У некоторых из них была явно выраженная сторбленная спина - слишком много

мышечной массы было потеряно, чтобы стоять прямо. Несколько человек имели полностью отрешенный взгляд, но не из-за марихуаны - тут наркотики не приветствовались, и я поняла, что это было от голода. Была ли я единственной, кто это заметил? Неужели остальные не видели ничего страшного в этой эстетике скелетов?

«Ферма основана на принципах пермакультуры», - пояснил он, - Мы не перекапываем и не пашем. Мы обогащаем почву мульчей, и, за исключением некоторых однолетних овощей, все растения - многолетние».

Звучит неплохо.

Азиатские груши, крыжовник, выносливый киви, черника. Это все хорошо, но люди не могут выжить на одних фруктах. Чем они питались?

На заднем дворе копошились куры и цесарки.

«Они нужны нам для борьбы с вредителями и для очистки грядок», - извинился он. Теоретически. В реальности птицы жили в проволочном загоне, и, хотя там было просторно и безопасно, они давно выкопали все из земли под ними. Ни травы, ни жуков не осталось: чем они питались?

Экономической основой фермы были деревья. «Деревья - это все, что у нас есть,» - защищался он. - Посмотри на эту землю. Видишь склон? Качество почвы? Мы с трудом можем вырастить салат.» Таким образом они создали экоустойчивую лесозаготовку, товары для лесной промышленности. А это означало пару ломовых лошадей и больше извинений. В отличие от тракторов, лошади не нуждались ни в ископаемом топливе, ни в сталелитейных заводах, ни в горнодобыче, ни в банковских кредитах. Они могут излечивать себя сами, и они возобновляются сами. Но чем они питались?

За конюшней было несколько зачищенных от деревьев акров. Тут паслись две свиньи и две козы.

«Нам нужны эти животные, чтобы они очищали наши земли», - взмолился Даг. У него было 2 козы, но он быстро добавил, что не собирался их разводить. Я обратила внимание, что они были нубийской породы - молочными козами - как джерсейские коровы, но только в козьем царстве. Какой смысл был во всем этом, в сделках с моралью против самой сути жизни? Жизнь не собиралась встречаться с Дагом на полпути.

Землю расчищали ради пастбищ для лошадей. Тогда им пришлось покупать сено с другой фермы. Хорошо, одно дело сделано: лошадей накормят.

Затем раздался обеденный звонок - раскаты гонга разнеслись по окрестным горам. Там было очень красиво - зеленые холмы позднего лета, залитые солнцем. Пятьдесят человек выстроились в очередь перед столовой, голодные. Подавали хлеб и салат.

Эту же еду мы ели шесть раз в течение следующих сорока восьми часов. На завтрак обычно были блины, хотя можно было попросить ложку яичницы-болтуни - но это для тех, кто менее развит. Ее подавали с выражением самодовольной жалости. «Без яиц и молочных продуктов!» - гласила вывеска над блинной станцией. Как знакомо. Сколько раз за много лет я давилась подобными кулинарными шедеврами? На обед был хлеб и салат. На ужин был хлеб, запеченный в соевом молоке, и овощной суп, словно взятый из рассказов Дикенса - и, нет, сэр, благодарю, добавки не надо. В воскресенье был хлеб на завтрак и хлеб на обед. Даг объяснил, что они гордятся этим хлебом из печи, которую сложили сами. Они пекут его на дровах, которые собирают в окрестностях. Это достойно похвалы и отвечает на жизнеутверждающий вопрос: «Как я могу жить, не причиняя вреда этой земле? Как я могу брать то, что мне нужно, не разрушая?»

Но их еда..? Этот вопрос разбился о стену идеологии, а идеология способна построить внушительную стену, например, как в Берлине. Эти люди были настолько преданны верхнему слою почвы, что они оградили пять акров садовых посадок. Они, безусловно, понимали принцип подражания природе: почва должна быть постоянно покрыта многолетними поликультурами и мульчей. Но основой их рациона была пшеница и соя, однолетние монокультуры, выращенные на останках биомассы уничтоженных прерий две тысячи миль отсюда. Эта ферма держалась на плаву благодаря реке Миссисипи и водоносным слоям Огаллала.

Единственное, что стояло на пути истинной экоустойчивости фермы, было их вегетарианство. Они легко могли быть самообеспечивающими себя едой. Козы и свиньи уже были, уже ели то, что фактически растет в северной части штата Нью-Йорк. Если бы они разводили коз, свиней и позволяли птице размножаться, у них был бы запас мяса, молока и яиц, до тех пор, пока светит Солнце. Вместо этого на столе не было протеина, а из-за этого его не было и на людях.

Жир был опциональным. Сливочное масло (я уверена, что это было уступкой, иначе пришлось бы использовать гидрогенизированные масла) было из Висконсина, органическое, но это было безумием, когда в трехстах ярдах от него находились два здоровых млекопитающих, вскормленных на опушке леса и готовые давать молоко. Было также оливковое масло для салатов. А вы не знали, что на границе с Канадой прекрасно растут оливковые деревья?

А салаты? По крайней мере, салат был выращен на местной земле, удобренной птичьим навозом, хотя птицы также выживали на останках прерии. Птицы почти ничего не ели, кроме зерна с добавлением случайных сорняков и отходов, брошенных через забор. Цель содержания этих птиц остается загадкой, их вклад по сути является чистыми убытками. Им не разрешали кормиться травой и мелкими насекомыми. Всю еду для них покупали. Никто не хотел есть их яйца, к тому же, яйца птиц, которых содержат на неестественном для них питании, испытывают дефицит питательных веществ [93]. Их, очевидно, не выращивали для мяса. Я была гостем в доме Дага, и я не могла расспросить его обо всем, поэтому я до сих пор не знаю, зачем они содержали птиц.

Воскресный салат представлял собой большую миску сырого кейла, посыпанного цветами настурции. Вам приходилось видеть ночной кошмар, в котором вы снова ходите в школу, и нужно начинать все сначала, потому что вы пропустили урок физкультуры? И в какой-то момент вы начинаешь вспоминать. Подождите! У меня же уже есть работа, дом, ученая степень, восьмилетний ребенок. Вы цепляетесь за любые символы взрослой жизни, которые вы накопили, чтобы проснуться, - "Они не могут заставить меня пройти через это снова".

Глядя на тарелку сырого кейла, я проснулась. Они не могли заставить меня пройти через это снова. Они не могли заставить меня съесть это. Я причинила достаточно вреда своему телу - щитовидной железе, суставам, питаюсь несъедобным. В течение двадцати лет я отправляла в желудок откровенно отвратительную еду, и я убедила себя, что мне это нравилось. Этого было достаточно. Я отправила содержимое тарелки в ведро с компостом, и мне было все равно, видел ли это кто-нибудь. Я ликовала. Я окончательно и навсегда покинула тот мир, где голод был стандартом, а политика - жидкой размазней, выдаваемой за пищу.

На обратной восьмичасовой дороге мой попутчик попросил остановиться на пиццу и мороженое, и мы впитали животный белок и жир, как сухая земля впитывает дождь.

Опять же: чтобы кто-то жил, другой должен умереть. Одна подруга сказала мне это однажды, и это помогло. Это была древняя мудрость ее народа. У меня нет прямых связей с живым доаграрным сообществом, но фрагменты, которые доходят до меня, говорят о том же.

В анимистическом мировоззрении все живо: камни, дождь, реки, птицы.

Индеец Лютер “Стоящий Медведь” сказал: “От Вакан Танка, Великого Духа, исходила могучая объединяющая сила, которая текла во все и сквозь все - цветы на равнинах, дующий ветер, камни, деревья, птиц, животных - и была той же самой силой, которая вошла в первого [человека]. Таким образом, все сущее было родственным ...” [94]

Здесь нет иерархии, в которой люди, а также некоторые животные, близкие нам, являются существами «разумными», «сознательными» или более достойными по другим критериям. Мы все сделаны из одной и той же субстанции, субстанции живой и священной. Мы похожи, мы все братья и сестры, поэтому общение с растениями, животными, звездами и даже мертвыми является нормальным и ожидаемым. Анимистическое вещество - это больше энергия, чем массы, больше движение, чем сущее. Оно проходит через нас, временно принимая форму рыбы или цветка, а затем превращается в цаплю или колибри, а затем снова в койота или яблоко. И хотя рыба и цветок умирают, Рыба и Цветы продолжают жить.

Джессика Прентис, автор слова “локавор” (питающийся местными продуктами - прим. пер.), объясняет: “Например, в древнегреческом языке было два разных слова, обозначающих «жизнь»: bios и zoë ... [Все] живые

существа полагаются на смерть других живых существ ... зоё - жизнь в самом широком смысле этого слова, Жизнь с большой буквы, требующая жертв bios-жизни, формы существования живых существ. Зоё забирает (убивает, потребляет, ест, жертвует, требует) bios. Это осознание, характерное только для зрелого восприятия, лежит в основе многих духовных практик и религиозных традиций во всем мире. Смерть конечно, забирает чью-то жизнь, но не Жизнь как таковую. Жизнь противостоит и одолевает смерть." [95]

И прелесть в том, что, нам больше не нужна мудрая бабушка, которая передала бы нам знания из глубины веков. Все, что нам нужно - это наблюдать. Найдите где-нибудь небольшой клочок природы - на краю парковки, дерево за окном - и понаблюдайте. Всмотритесь. И вы увидите: тот, кто ел становится съеденным, и благодаря этому жизнь продолжается. Там нет иерархии, только голод. И именно благодаря нашему голоду мы участвуем в космосе, в бесконечном цикле жизни, смерти и возрождения. Для 98% нашего времени пребывания на Земле это было нашей религией.

Религии цивилизованных обществ очень похожи. Гор Видал называет их «людьми небесного бога» [96]. Бог отделен от мира живущих (его пол меняется), оставляя Землю, которую считают инертной материей. Священность сводится к наказывающему Отцу, отделенному от всех жизненных процессов. Единственное, что свято, где-то там, очень высоко, и послушание Его чревато. Мораль - это жесткий кодекс, единственно верный путь, а не жизненный опыт. Чем дальше люди переходят (или их нередко переводят насильственно) от охотников к садоводам, к земледельцам, к урбанистам, к промышленникам, тем дальше священное отступает, сначала в небеса, затем ступает в монотеизм, пока, наконец, не умрет в иронии.

В каком-то смысле гуманизм был просто последним шагом в процессе десакрализации. Человек вообще отказался от священного, поставив себя в центр нравственной вселенной. И в некотором смысле так лучше. Лично я предпочла бы жить в либеральной демократии, чем в религиозной теократии. Забавно, что такие мелочи, как голосование и, скажем, возможность покинуть дом без разрешения родственника мужского пола, имеют значение. Религиозные теократии являются результатом сельского хозяйства. Такой уровень организованной иерархии не существовал до возникновения

цивилизаций [97]. И я полностью признаю, что права человека были завоеваны только ценой борьбы многих поколений, и что мы еще не закончили. Например, в мире до сих пор порабощено 27 миллионов человек, в том числе 1,3 миллиона женщин и девочек, проданных в сексуальное рабство.

Повествование о Прогрессе (с большой буквы “П”) звучит слишком похоже на историю Манифеста Судьбы или Бога, раздающего Земли Обетованные. И, хотя мы, человеческая раса, сделали теоретические и практические шаги к единому, универсальному стандарту прав человека, мы также сбились с пути, который имеет решающее значение для выживания всего живого на Земле.

Древний западный мир считал Землю и Космос живыми телами, и даже в христианской Европе все еще существовали религиозные ограничения против причинения земле вреда человеком. Но гуманизм снял эти последние ограничения на человеческую деятельность, убив Бога и заменив метафору тела на метафору машины [98]. С тех пор мир умирает с экспоненциальной скоростью. Сложно назвать это прогрессом.

Гуманизм оставил нам противоречивое наследие. В некотором смысле это невыполненное обещание: все люди должны иметь права, гарантированные такими документами, как “Всеобщая декларация прав человека” ООН. По крайней мере, гуманизм дает нам этическую платформу для отстаивания своих прав. Если все люди созданы равными, то «все» не может означать только «белые и богатые», а «люди» не может означать только «мужского пола». Эта борьба стоила людям жизни, но идея - идеал, что мы имеем неотъемлемые права, что мы по своей природе равны, что мы все должны иметь коллективное право голоса в том, как организованы наши общества, оказала глубокое влияние на системы господства во всем мире. Иерархии любят объявлять себя естественным порядком, устроенным верховным существом, сидящим на верхнем этаже. И даже не пытайтесь записаться на прием - он занят вечностью. Во-первых, есть Бог, вооруженный ударами молний, моральным кодексом, вызывающим чувство вины, и пенисом. Затем, есть король, еще священники и военачальники, которые, как правило, борются за власть. Под ними торговцы, а далее - умелые ремесленники. Основание пирамиды предназначено для рабочих, обычно крепостных или рабов, и это

основание простирается вширь и вглубь. В древних Афинах, почитаемом прародителе демократии, 90% населения было порабощено. Адам Хохшильд в своей необычной книге «Погребенные цепи: пророки и мятежники в борьбе за освобождение рабов империи» пишет, что в 1800 году 80% мира были невольниками или рабами [99]. Что бы ни сделал гуманизм, он дал людям инструменты, чтобы противостоять угнетению как психологическому, так и политическому.

Бог олицетворял собой господство над женщинами, животными и землей, но как только мы собьем его с трона, возникнет вопрос: рухнет ли все царство?

Не обязательно. Помещение человека в центр нравственной вселенной не решает проблемы дихотомии культуры и природы. Человеческие признаки являются определяющими для выявления различий. Только люди разумны, или застенчивы, или имеют свободу действий, или осознают свою смертность, и это ставит нас выше и вне. Люди важны, но все остальное - мертвая материя. Некоторые ответвления этого философского течения утверждают, что человек - это способ познания Земли, вершина эволюции, все, что есть на планете - ради человека. Причина спасения тропических лесов не в том, что тропический лес имеет право на существование, а в том, что там произрастают растения, которые могут излечить рак у человека. В этой традиции люди не являются частью мира природы - мы действуем против него, а также сопоставляем человеческие «потребности» с уничтожением других видов. И в гуманизме нет ничего, способного противостоять такому подходу.

“Права животных” (ПЖ) как политическая философия - это ответвление гуманизма. Подобно тому, как неотъемлемые права либерального индивидуализма были распространены не только на белых и богатых, но и чтобы включить (теоретически) остальную часть человечества, их следует распространить и на животных. Но не на всех животных, хотя люди, защищающие ПЖ никогда этого не скажут. Животные, которые имеют значение, это те, кто похожи на людей в определенной манере.

“Я не ем никого, у кого есть мать или лицо.” Существует три негласных признака, по которым активисты ПЖ будут их защищать. Заботится ли животное о своем потомстве? Есть ли у него черты лица, по которым можно его узнать? Издает ли оно звуки, когда ему больно?

Эти признаки определяют больше, чем кого считать похожим на нас. Есть много других качеств, которые некоторые животные разделяют с людьми, например, гипермобильность пальцев или умение хранить пищу. Но первые три являются разделительной линией, потому что они первичны для выживания человеческого детеныша. Без родительской заботы мы умрем. Единственный способ, которым ребенок может сообщить о голоде, боли, страхе - это крик. И мы, очевидно, рождаемся со способностью распознавать человеческие лица. Есть нечто важное для нашего выживания в признании необходимости связи матери с ребенком. [100].

И если у вас есть ребенок, то вы знаете, как незаметно проходят часы, когда вы просто смотрите в его глаза. У меня нет детей, но я могу представить, насколько глубоким может быть этот опыт. Это кажется первичным, инстинктивным, я бы сказала «довербальным» - слова тут просто не нужны. Это не похоже на этап в развитии. В этом суть всего, целая вселенная.

Это не те качества, которые мы ценим ради спасения животных. Например, они ничего не говорят о способности животного испытывать боль, страх или ужас. Те из нас, кто заботится о страданиях животных, постоянно обвиняются в сентиментальности, а для обвинителей оскорбление заложено в самом этом слове. Проблема в том, что в некотором смысле эти обвинения справедливы.

“Для сентименталиста важен не объект, а субъект эмоции. Истинная любовь фокусируется на другом: мы радуемся его удовольствию и огорчаемся от его боли. Ложная любовь сентименталиста зациклена на нем самом, и отдает предпочтение собственным удовольствиям и страданиям или же создает надуманные представления об удовольствиях и страданиях своего объекта” [101].

Цитата взята из книги Роджера Скруттона «Права и бесправие животных», книга, которая для меня стала эквивалентом колючего галечного пляжа Сапфо, и да, я чувствительна. Мне не легко дается критика движения, целью которого является предотвращение мучений. И у меня остается тяжелое чувство морального когнитивного диссонанса, когда я вижу, что тот, кто вызывает у меня отвращение, говорит то же самое, что я. Но иногда наши враги - наши лучшие

критики, и Скрутон совершенно прав относительно сентиментальности.

Движение по защите ПЖ - это либеральный индивидуализм в отношении животных. Это отражение человеческих потребностей и желаний, а не потребностей и желаний самих животных. Животные, например, хотят охотиться. Они хотят есть пищу, которую для них выбрала эволюция. Подобно вегану, который предлагал установить забор через весь Серенгети, у активистов явные проблемы с пониманием животной природы животных, потому что они стоят на философских основах гуманизма. Для людей неприемлемо убивать других людей, для нашего общества неприемлемо приобщать его членов к насилию, садизму, иерархии. Нам нужна справедливость, а не господство, чтобы сделать человеческое общество достойным своего имени. Но это всё человеческие понятия.

До тех пор, пока защитники ПЖ противостоят промышленному животноводству и вивисекции, кому интересна их философия? Но если более важной целью является эгалитарная культура, устойчиво реализованная в рамках конкретной территории, то модель защитников ПЖ потерпит неудачу. Потерпит неудачу, потому что диета, к которой стремятся сторонники ПЖ, является экологическим кошмаром, и планета уже потеряла свой верхний слой почвы. Выращивание однолетних зерновых для вегетарианцев вызывает массовое разрушение. Они также потерпят неудачу, потому что в гуманизме нет никаких философских или моральных ограничений на человеческую деятельность, никакого контроля над человеческим самолюбованием или разрушительными способностями. Позиция защитников ПЖ, основанная на гуманистической этике, также потерпит неудачу, потому что она полностью противоречит природе всего живого, включая природу животных. Животные убивают. Растения тоже. Вы знаете, почему так приятно пахнет после дождя? Сладкие ароматы - это химические вещества, выделяемые растениями для привлечения насекомых, они атакуют своих соседей, своих конкурентов. «Не убий», или буддийская версия - «Воздерживайся от убийств» - является хорошим моральным ориентиром для человеческого общества. Но бессмысленно это применять к миру природы. Мэтью Скалли в своей книге «Доминион» использует фразу «моральная деградация» для описания кошек, лис и ласок.

«Моральная деградация?» спрашивает Майкл Поллан, вбегая в кавычки [102]. Природа не более моральна, чем аморальна. Она аморальна по определению. Жизнь - это процесс, при котором одно существо съедает другое, будь то бактерии, разрушающие растения или животных, растения, вытесняющие друг друга, животные, перегрызающие горло, или вирусы, атакующие животных. «Вся природа - это спряжение глагола «есть», - как подметил Уильям Ральф Индж.

Парадигма, которая просит нас отвергнуть смерть, безусловно, представляет собой простой этический кодекс. Этот кодекс может сплотить праведников, но это также и черно-белое мышление ребенка. Огромная моральная сила, которой обладают молодые, похоже, нуждается в таких правилах, но это по сути лозунги и этические банальности, на которых зиждется фундаментализм. Зрелое понимание требует большего, начиная с получения дополнительной информации, а также способности использовать эту новую информацию, чтобы при необходимости пересмотреть поведение, основанное на наших ценностях. Признак зрелости - не просто усваивать информацию, а учиться. Задача зрелости - помнить наши этические мечты и видения перед лицом сложностей и откровенных разочарований реальности.

Я использовала идеологию, как кувалду, и думала, что смогу подчинить мир своим требованиям. Я не смогла. Потребности почвы, истинная суть углеродного цикла и естественные потребности в питании человека были реальностью грубых, физических фактов, которые нельзя было отрицать. Я построила всю свою личность на мнении, что смерть - это этическое табу, моральный ужас, вызывающий внутреннюю дрожь в теле и душе. Но «бессмертие» не существует в природе. «Мы можем доминировать или можем быть простым участником - другого выхода нет», - сказала подруга, которая выращивает еду для себя. Мы можем сетовать и плакать, но в конце концов мы должны заключить мирный договор с миром, с доброй зеленой землей, которую мы так любим, но совсем не понимаем. В мечтах возникают обязанности, но с пониманием приходит больше. В итоге мы понимаем, между чем мы можем выбирать: между смертью, которая разрушает жизнь, или смертью, которая является частью жизни.

Куда это нас приведет в отношениях друг с другом, с животными, с планетой? Во-первых, нам нужно прекратить сентиментализировать природу. Сентиментальность принимает две формы. Первая - подход мачо, подход Тедди Рузвельта (в литературе про охоту обычно фигурировал под своими инициалами «ТР»). Природа жестока и кровава, поэтому нет ничего плохого в том, что мужчины (и всегда именно мужчины могут претендовать на насилие) ведут себя также. «Смерть от насилия, смерть от холода, смерть от голода - это обычные окончания величественных и прекрасных созданий дикой природы. Сентименталисты, которые болтают о мирной жизни природы, не осознают ее абсолютной беспощадности» [103]. С этим сложно поспорить. Если вы этого не знаете, то оттого, что не сталкивались с настоящей природой и не понимаете, как она функционирует. И в этом нет вашей вины. Даже люди из сельской местности часто живут в условиях, созданных человеком, покупая привозную еду в продуктовом магазине, нагревая или охлаждая ее одним нажатием кнопки, соединённой с источником ископаемого топлива, смотря телевизор и подключаясь к интернету для общения. Сельская жизнь - это урбанизм с видом. Большим событием считается увидеть оленей, обгладывающих кусты, или енотов, копающихся в мусоре. Но факты природы таковы, что убивают и молодых, и старых. 90% детенышей большинства животных не достигают зрелости. А что касается старых, «как правило, животные в дикой природе не умирают спокойно в окружении своих близких». [104]

Последователи ТР будут утверждать, что, поскольку животные делают это - охотятся, убивают, то и людям разрешено. Они не учитывают, что никакое другое животное не способно построить концфермы для откармливания животных или держать других животных в мучениях на протяжении всей жизни, что промышленное животноводство не существует и не может существовать в природе. У последователей ТР есть своя собственная сентиментальность, и это сентиментальная привязанность к их собственной мужественности, их собственному стремлению вторгаться и завоевывать, они наделили себя сами этими правами и проецируют их на животных, заявляя, что таков

естественный порядок. "Природа - это господство, а мы просто участники," - пожимают они плечами.

Обратная сторона защитников ПЖ - невежество и отрицание смерти, сути природы. Они демонстрируют свое невежество, настаивая на том, что питание однолетними зерновыми является экоустойчивым и свободным от смерти, хотя на самом деле оно по своей природе разрушительно и насыщено смертью. Доходит до смешного, когда сторонники ПЖ пытаются спасти животных от самих себя, от их животных потребностей и желаний охотиться, убивать, есть и быть съеденными, когда придет их черед.

"Философы по правам животных", - пишет Майкл Поллан, - "не могут примириться не только с животным началом в человеке, но и в самих животных. Больше всего они хотели бы избавить нас от природного «изначального зла» [хищничества], а затем и животных. И тут вы начинаете задаваться вопросом, а не спорят ли они с самой природой" [105].

Отрицание фактической природы животных защитниками их прав порой доходит до абсурда. Как-то я разговаривала с веганом, которая держала нескольких кур.

«Они идеальные животные», - сказала она. Признайтесь, вам знаком этот тон - самодовольный, с чувством собственной значимости, потому что она нашла подтверждение своей вере в ненасилие. - Они ни на кого не нападают и никого не убивают».

"Что они не делают?" - моя челюсть упала на грудь. Все, что я могла сделать, - это подобрать свою челюсть. Куры едят все, что движется, включая насекомых, мышей, кротов, змей, лягушек, в том числе птенцов, в том числе своих. Я могла бы простить невежество обычному человеку, который, вероятно, никогда не видел живых кур. Но эта девушка держала кур. Неужели она не замечала, как ее куры гонялись за мухами и набрасывались на мышей? Была ли ее привязанность к идеологии настолько сильной, что она не замечала реальных фактов? И не один раз, а каждый день?

Что общего у сторонников ПЖ и ТР, так это то, что они отстаивают свою политическую и этическую программу, ссылаясь на Природу (с большой буквы "П"). Это тонкий риторический трюк обеих сторон, потому что как можно спорить с Природой? Защитники ПЖ отвергают основной факт, что смерть - это неотъемлемая часть жизни,

потому что они хотят верить, что они и все люди могут есть без убийств. У сторонников ТР более реалистичный подход к жизни, но в этом они более отталкивающи. Они не учитывают остальные реалии природы, где медведица защищает своих детенышей ценой своей жизни; где, если один гусь поранился во время миграции, то два других спустятся на землю с ним и будут ждать, пока он не выздоровеет или не умрет; где растения распространяют инсектициды через корни, чтобы отразить нападение на растение-компаньона; где забота, сострадание и самопожертвование проявлены в поведении живых существ.

В «Природе» мы можем увидеть все, что захотим. Медлительные гермафродиты слизни занимаются любовью часами, в то время как самцы дельфинов похищают самок для группового изнасилования. Природа богата на разнообразные проявления, но четкий моральный кодекс человеческого скопища не является одним из них [106].

Нам нужно моральное руководство, которое вытекает из социализации именно потому, что мы люди. Диапазон проявлений человека как вида огромен - от облагораживающего мужества до морального разложения, выраженного в садизме и геноциде. В этом особенность нашего вида, радость и ужас человеческого бытия. Чтобы подчеркнуть нашу способность проявлять мораль, не нужно ставить людей выше других животных в «естественной» иерархии, потому что все животные обладают специфическими способностями. Голуби могут найти дорогу домой, находясь за 1200 миль. Киты могут оставаться под водой в течение 2 часов. Колибри обрабатывают визуальную информацию настолько быстро, что изображение на телевизионном экране выглядит для них как слайд-шоу. И мы не единственное животное, которое обучает свое потомство. Старые омары показывают миграционный путь молодым, держась за клешни так же, как мы держимся за руки, и вместе проходят миля за милей. Котенок, отлученный от матери, скорее всего никогда не научится охотиться на мелких млекопитающих. Такие кошки позволяют мышам бегать по ним, хотя, если им хотя бы раз показать, как охотится, они никогда этого не забудут. Пчелу, вернувшуюся в улей после первого сбора пыльцы, другие пчелы встречают с похвалой и ободрением, хотя она, скорее всего, принесла только одну десятую от того, чему научится за несколько следующих недель. Бобры, содержащиеся в неволе без воды, не знают, как делать плотины - эти знания передавались из

поколения в поколение, пока люди не прервали процесс их становления.

Однажды в саду я отодвинула камень и обнаружила муравейник. Муравьи-медсестры использовали нижнюю часть камня в качестве защиты для куколок, пока я не переместила его. Все, что мне было нужно - это получить еще несколько дюймов на грядке для салата. Результатом стала паника и смерть. Муравьи разбежались во всех направлениях так быстро, как только могли. Хотя нет, не так быстро, как могли бы. Каждый из них схватил куколку двумя передними лапами и побежал остальными четырьмя, рискуя собственной жизнью, чтобы спасти потомство. Я сидела и смотрела, едва сдерживая слезы. Если бы я вернула камень на место, это бы их убило. Мне ничего не оставалось, кроме как наблюдать за страданиями, которые я принесла существам, отличавшимися от меня, по сути, только масштабом. Кто из нас выбежит из горящего детского сада, не забрав с собой столько младенцев, сколько поместится в руках? И я даже не хотел убивать муравьев. Я лишь хотела чуть больше места для себя.

Если вы посмотрите на Природу, вы сможете найти оправдание практически всему. Мои куры живут согласно иерархии - кто кого заклюет. И, поверьте, они еще как клюют. У некоторых кур есть лысые участки от того, что их постоянно заклевывают. И это происходит не от того, что им тесно или они содержатся в противоестественных условиях. В их распоряжении два акра леса и луга, и столько еды, сколько они могут съесть. Это часть природы социальных животных, и нет никакого способа их отучить от этого. Куры не оплакивают умерших - они их съедают. В день убоя они всегда вертятся под ногами, в надежде, что им тоже что-то перепадет. Обычно я всегда знала, когда ястребиная охота закачивалась успехом - куры приходили, измазанные кровью, так как тоже поживились на останках.

И, тем не менее, это не все, на что способны куры. Если курица сама по себе и увидит хищника, она спрячется так быстро и тихо, как только сможет. Но курица в стае забьет тревогу громким пронзительным криком. Она привлечет к себе внимание, подвергнет себя риску во благо стаи. Высокоморальное поведение? Как иначе это назвать?

Если вы ищите жажду крови, вы ее найдете. Я потеряла тридцать девять кур из-за одной лисы: это была кровавая резня. Сосед-фермер лишился двухсот кур из-за одного койота. Ласки, кошки-рыболовы,

еноты, всевозможные существа убивают и будут убивать. Но вы также обнаружите мужество, самопожертвование и любовь. Киты поднимают больных особей на поверхность, чтобы те могли глотнуть воздуха, а слоны оплакивают своих умерших собратьев. Каждый год они проходят по одной и той же тропе, и когда подходят к месту, где лежит скелет члена их стада, они останавливаются и плачут, обнимая череп хоботом.

Биолог Линн Маргулис утверждает, что жизнь развивалась благодаря взаимодействию двух видов, которые навсегда объединились и вышли на новый уровень сложности [107]. И все эти новые виды конкурируют, потому что им нужно есть. Итак, на чем мы построим наше общество - на сотрудничестве или конкуренции? Я придерживаюсь мнения, что мы должны выбирать. Нечестно взывать к Природе, чтобы оправдать наши чисто человеческие решения, независимо от того, выбираем ли мы эгалитарную культуру или иерархическую.

Признание того, что мы можем выбирать, что мы являемся политическими существами с большим мозгом и без четко определенных биологических полномочий, кроме как на кислород и еду, не ставит нас выше других форм жизни. Мы могли бы также с лёгкостью закрепить идею о том, что наша пластичность - это уязвимость, человеческая слабость, и что наша способность к высокомерию нуждается в жестком ограничении как на личном, так и на коллективном уровне. Нам дали не господство, а зависимость, и только почитая существ, которые делают возможным наше выживание, мы можем выжить как вид.

Деррик Дженсен называет это отношениями хищника и жертвы: "Когда вы забираете жизнь кого-то, чтобы съесть или иным образом использовать ради своей жизни, вы становитесь ответственными за выживание и достоинство этого вида. Если я ем лосося, или, вернее, когда я ем лосося, я обязуюсь следить за тем, чтобы этот конкретный ход лосося продолжался, и чтобы эта конкретная река, частью которой является лосось, процветала. Если я срублю дерево, я сделаю то же самое обещание экосистеме, частью которого оно является. Когда я ем говядину или морковь, я обещаю искоренить промышленное сельское хозяйство" [108].

Это было бы хорошим началом нашей анимистической этики. Мы зависим от миллиона разных существ, большинство из которых невидимы для наших глаз, и все они выполняют созидательную или разрушительную работу, которую мы не можем выполнять. Они наши биологические предшественники, наши предки, и без них жизнь на этой планете прекратится за считанные секунды. От 1 до 4,5 кг веса вашего тела составляют бактерии, в основном в кишечнике, которые помогают вам переваривать и усваивать питательные вещества [109]. В каждой вашей клетке есть митохондрии с отдельной от вашей ДНК, которая добывает из каждой калории для вас энергию. Они нас колонизировали, приручили? Интересный вопрос для обсуждения. Но я считаю, что более правильная интерпретация этих отношений заключается в том, что они симбиотичны, взаимозависимы. И анимистическая этика простирается далеко за пределы тандема митохондрий и людей, молочной травы и бабочек-монархов. Анимистическая этика признает, что каждое живое существо зависит от всего остального, что сама жизнь представляет собой серию взаимозависимостей. Жизнь и смерть - это одно и то же: для того, чтобы кто-то жил, кто-то должен умереть. Отклонить одно - значит отказаться от другого - третьего не дано. Анимистическая этика считает эти процессы священными, однако наша радость смешивается с болью и печалью. И проблема не в смерти, а в смеси высокомерия и невежества. Именно наше высокомерие превращает смерть в господство, а пищу в муки. Именно наше невежество, личное и общественное, мешает нам посмотреть на реальную цену нашей еды. И то, и другое вместе вынуждает нас заботиться только о тех существах, кто подобен нам по характеристикам, важным только для нас, и в то же время мы полностью уничтожаем тех, от кого действительно зависит наше выживание.

Общество, в котором хотелось бы жить, начинается с почитания и благоговения перед этим миром, домом, каждым его членом. Такие культуры существовали.

Лиза Кеммерер объясняет: «Этика ранних иммигрантов по отношению к дикой природе, а также ритуалы и табу, наполняющие эту этику, такие как пост [и] молитва ..., отражают понимание духовной ответственности, связанной с чудовищной задачей убийства себе подобных. Уважительное отношение к дикой природе считалось решающим для выживания. Охота, рыбная ловля, собирательство и отлов были необходимы, но они были ограничены и контролировались духовной этикой, которая запрещала необоснованное убийство. Духовная сила дикой природы в сочетании с физической зависимостью людей определяла отношения между человеком и дикой природой. Если люди испытывали нехватку продовольствия, они не говорили: «Я больше не могу убивать оленей», а скорее: «Олени не хотят умирать ради меня» [110].

В некоторых культурах ранить животное, не убив его, настолько постыдно, что охотники будут выслеживать раненое животное в течение нескольких дней, вместо того, чтобы вернуться домой и подвергнуться разбирательству и презрению. У индейцев сенека есть церемония благодарения, которая длится четыре дня, во время нее они называют имена и выказывают почтение всем известным им существам.

Во всем мире и во все времена существовали множество примеров культур, подходящих к человеческому существованию со смирением и уважением к существам, от которых мы зависим.

Племя чевонг из Малайзии, например, «учит, что каждый вид по своей природе заслуживает уважения человека, и что каждый обладает уникальным мировоззрением. Их легенды гласят, что намерение и поведение любого животного, даже когда оно несет человеку угрозу или сбивает его с толку, вытекает из его уникального взгляда. Это понимание побудило их привнести сострадание и понимание в каждое взаимодействие с другими формами жизни.

Неписанные правила, которые регулировали этическое поведение по отношению к другим, возникли из базисного признания ценности каждого вида. Приемлемое поведение для людей, которое считалось праведным, включало необходимость проявлять уважение к другим видам, независимо от их размера или внешнего вида. Причинять вред или высмеивать другое существо было строго запрещено» [111].

Но такое отношение возможно только в том случае, если мы признаем смерть. Именно поэтому вегетарианская этика не сможет лежать в основе экоустойчивого общества. Помимо разрушительной природы сельскохозяйственных продуктов питания, любая попытка эмоционально, физически или духовно отстраниться от жизненных процессов на планете приведет к обществу, основанному на невежестве, отрицании и, учитывая нашу склонность к разрушению, - господству. Мы должны принять правду нашего существования, и должны сделать это на "отлично". И это может быть сделано на "отлично". Мы можем быть благодарными вместо того, чтобы быть жестокими, смиренными, вместо того, чтобы считать себя вправе. Мы можем признать, что каждое живое существо заслуживает нашего уважения, и что мы все движемся по кругу. Мы могли бы взять на себя ответственность и стать уважаемыми членами сообщества под названием Земля. И только если все общество изменится, это станет возможным.

Моя веганская жизнь была очень простой. Я считала, что смерть была неправильной, и ее можно избежать, отвергая продукты животного происхождения. Моя моральная уверенность не раз подвергалась сомнениям за эти двадцать лет, особенно, когда я начала выращивать свою еду. Муравьи останавливались, чтобы подбодрить друг друга; пауки умирали за своих детенышей; бабочки учили своих детей, как обходить ловушки цветов и при этом собрать нектар. Не прикладывая никаких усилий, я все равно убивала их, создавая свой сад. И они были похожи на меня. У нас были общие гены, определяющие наши глаза, конечности и даже сердца [112]. Когда я наконец вытащила свое тельце во двор, а руки запустила в землю, когда я наконец разглядела насекомых - я смогла увидеть их страх, их любопытство, их мужество, их любовь. «Каждое из этих крошечных насекомых по определению является одушевлённым существом, обладающим атмой, душой; на самом деле не человеческая душа, а душа насекомого удивительной красоты выражает один из аспектов Божественного начала», - пишет Томас Берри [113]. И я это видела. Я

видела и понимала, что когда я их убивала, я убивала кого-то, кто имел значение. Будучи ребенком, Авраам Линкольн запретил другим детям давить муравьев на школьном дворе, «утверждая, что жизнь муравья была для него такой же важной, как наша для людей» [114].

Неудивительно, что этот мальчик вырос и подписал Декларацию о независимости. Его сочувствие распространялось и на самых крошечных из нас, многоногих и безмолвных существ. Отличия людей в цвете кожи ничего не значили. Насекомые любили свою жизнь: это было то, что я увидела, когда стала наблюдать по-настоящему. Но некоторые из них должны были умереть, чтобы я могла жить.

Но так же, как насекомые - их существование, не говоря уже об их разумности, отсутствуют в вегетарианском мировоззрении и растения. «А как же растения?» - бросали в меня свои насмешки нахальные мужчины. Проблема была в том, что я воспринимала их всерьез. Я знала других веганов, которые могли бы отклонить этот этический вызов как абсурдный в своей основе. Но чем это отличалось от реакции карниворцев, которые игнорировали мои настойчивые заявления, что животные тоже разумны? Это был вопрос, на который нужно было ответить, а я не могла. Вместо этого я предпочла бы говорить о зерне, которое скармливали скоту, а не голодающим детям. Но растения были ангельскими созданиями, с которым я боролась, и никак не могла получить благословение. Как определил Стивен Харрод Банер, мы думаем о растениях «как о бесчувственном салате» [115]. Я не хотела быть одной из них. Но, если я наложила табу на смерть и зарубила угнетение на корню, то единственным выходом было сказать, что растения не были живыми. Не такими живыми как мы, животные, которые могут перемещаться, которые заботятся о своей жизни, у которых нет эмоций, интеллекта и чувств.

Джеймс Лавлок пишет: «В первую очередь - млекопитающие, по сравнению с ними жабы и лягушки кажутся менее живыми, деревья и растения еще меньше, а лишайники, водоросли и почвенные бактерии едва ли вообще можно назвать живыми. Большая часть инстинктивного

стремления рассматривать Землю как живую систему проистекает из нашего зооцентризма, стремления считать себя и животных более живыми, чем другие организмы” [116].

Я не могла доказать, что растения не были разумными. Но что еще важнее, я не хотела это доказывать. Я хотела верить в то, что Джоан Элизабет Лаук назвала «вечной мудростью коренных народов, которые считали, что мы не единственные представители разума на Земле” [117].

Если бы они были разумными, я бы не смогла их убивать. Поэтому я должна была наделить их другими атрибутами в своей голове: живые и уважаемые, чтимые и отблагодаренные, но не разумные. Чем больше я взаимодействовала с растениями, тем больше я получала радости от их крошечных, нежных ростков, слушала их песнь из цветов и ароматов, смотрела, как они борются, поднимаются и вытягиваются, изучала их язык, и тем меньше эти атрибуты имели смысл. Какое я имела право сажать помидоры, зная, что к концу сентября они умрут от морозов? Они могут жить по десять лет в тропиках, своих родных широтах. Какое у меня было право подчинять их моим нуждам, моей воле? По крайней мере, животные могут попытаться убежать. Растения застряли там, где я их посадила, и не могли дать отпор, когда я отрубала куски их тел, крала их детей.

А затем я сдалась интеллектуально и эмоционально, потому что я должна была что-то есть, и веганство было самым праведным, разве нет? Быть веганом означало быть справедливым, жизнеутверждающим, обеспечивать экоустойчивость. Все книги и все мои друзья об этом говорили. Я давно перешла на сторону радикальную, политическую, бескомпромиссную. Разве подвергание сомнению принципов веганства не делало меня автоматически консервативной, не защищающей животных, перешедшей на сторону лесорубов и насильников и всех ужасных проявлений Зла, против которых я восставала?

Но, как я была вынуждена признать, я должна была что-то есть. Поэтому я выращивала свою еду, окружала любовью растения и просила у них прощения, когда приходило время сбора урожая, и надеялась, что его будет достаточно. И я также собирала информацию, оттуда выросли мои знания. Растения вдыхают CO₂, и во время фотосинтеза они разрывают соединение углерода и кислорода, удерживая углерод для строительства и подпитки своих тел и выделяя

кислород. За 500 миллионов лет использование углерода растениями позволило повысить уровень кислорода в атмосфере до 21%, чего было достаточно для возникновения всех остальных форм жизни.

В «Потерянном языке растений» Стивен Харрод Банер страница за страницей подробно рассказывает о том, что делают растения. Они защищают себя. Они защищают друг друга. Они общаются. Они обращаются к другим видам растений, прося их присоединиться к формированию устойчивого сообщества. Иногда они жертвуют собой ради блага всех. Они отвечают. Они говорят. В них есть смысл, и они создают смысл. Они способны на проявление воли, смелости и самосознание. Они делают жизнь возможной. Любому человеку, который либо дышит кислородом, либо ест пищу, должен прочитать его книгу.

Там, где мы используем движение и отдельно стоящий большой палец, растения используют химические вещества. И этим мы отличаемся.

Растения производят “сотни тысяч, возможно, миллионы сложных, вторичных соединений ... В дополнение к сложности, все эти соединения могут быть получены различными метаболическими путями, то есть разными методами конструирования, и каждая группа вторичных метаболитов может содержать невероятное количество веществ. Например, простое изменение отношений между четырьмя молекулами сахара может создать более 35 000 различных соединений. Известно более 10 000 алкалоидов, 20 000 терпенов и 8 000 полифенолов ... Через сложные петли обратной связи растения постоянно ощущают, что происходит в окружающем их мире, и в ответ изменяют количество, комбинации и концентрацию фитохимических веществ, которые они синтезируют” [118].

Эти химические вещества используются для очевидных задач, таких как борьба с насекомыми, грибами или бактериями. Сьюзен Олпорт называет фитохимикаты «растительными вооруженными силами». Разумеется, растения не могут убежать от голодных хищников, поэтому вместо этого они стали экспертами в химическом оружии» [119]. Они также используют химические вещества, чтобы привлекать насекомых-опылителей и защитников с такой точностью, что вы изумитесь. Кактусам сагуаро нужен уникальный подвид мухи-дрозофилы. Кактус выделяет летучее стероидное соединение, без которого мухи не могут достичь половой зрелости и размножаться. В

свою очередь, мухи и их личинки питаются отмирающими частями кактуса, сохраняя растение здоровым. Летучие вещества настолько точны, что из 6 803 личинок на кактусе сагуаро только одна не была нужным видом [120]. У каждого из семисот с лишним видов инжира есть свои особые инжирные осы, которые своими лапками опыляют семена фигового дерева. В некоторых лесах 70% рациона позвоночных составляют плоды фиговых деревьев [121].

И не только насекомые реагируют на эти химические сигналы. Большинство этих химикатов не имеют запаха, но их улавливают рецепторы, называемые вомероназальными органами (ВНО), которые есть у всех позвоночных. Единственная функция, которую выполняют ВНО, - это захват ничтожно малого количества ароматических химических веществ, которые выделяют растения и животные, и их транспортировка в мозг. Используя ВНО пчелы обнаруживают, а затем запоминают точное местоположение всех цветущих растений в радиусе шестидесяти миль. Именно благодаря ВНО женщины, живущие вместе, синхронизируют менструальные циклы.

Растения находятся в постоянном общении друг с другом. «Каждое растение, ареал растения, растительное сообщество, экосистема и биом постоянно обмениваются сообщениями - триллионами и триллионами сообщений одновременно» [122]. В любом месте, где корни касаются других корней или их общей мицелиальной сети, они также могут обмениваться химическими веществами. Одно растение может отправить сигнал об опасности. Другие отвечают специфичными антибиотиками, антимикотиками, противомикробными средствами или пестицидами, чтобы помочь. Подобно моим курам при виде ястреба, растения также издают тревожный сигнал, когда рядом находится хищник. Когда фасоль лима подвергается нападению паутинных клещей, она выпускает химические вещества, которые предупреждают другие растения того же вида [123]. Когда кто-то пробирается, задевая растения в лесу, оно не только реагирует на воздействия, укрепляя свои ветви изнутри, но также посылает химическое предупреждение, которое позволяет всем растениям, находящимся поблизости, подготовиться и укрепить свои ветви.

И это еще не все. Бунер говорит об архипелагах растительных сообществ, группировках взаимосвязанных растений вокруг доминирующего или ключевого вида, обычно дерева. Эти архипелаги

формируются в ответ на таинственные и непредсказуемые сигналы и часто свидетельствуют о массовом перемещении экосистем. Процесс начинается с растения-первопроходца, которое буквально готовит почву для своих сородичей. Когда почва готова, растение-медсестра отправляет химическое сообщение: присоединяйтесь ко мне. Что происходит дальше - поразительно.

“Хотя ветер, муравьи и роющие животные могут иногда разносить семена ключевого вида в новые места, исследователи обнаружили, что обычные модели распространения ветром и животными не могут объяснить, как семена перемещаются. Расстояния слишком велики, схемы рассеивания слишком необычны. Но каким-то образом семена отвечают на химический призыв, посланный растениями-медсестрами” [124].

После того, как ключевое растение укоренилось, оно призывает бактерии, грибки, растения, насекомых и других животных, необходимых для создания здорового и жизнеспособного сообщества. Химические процессы ключевого вида организуют другие виды и направляют их поведение. «Эта способность ключевых видов «обучать» свои растительные сообщества тому, как действовать, получила широкое признание у различных коренных народов» [125]. Неспроста более взрослые деревья называются старейшинами.

“У многих коренных народов существует поверье, что старшее дерево «учит растения, что делать и как расти», и что без него местные растительные сообщества будут сбиты с толку ... Другие коренные народы, признающие природу и функцию ключевых видов, говорят, что «деревья являются учителями закона” [126].

Отдельные растения не достигнут такого же роста, как во взаимодействии с ключевыми видами, и вместе «они создают больше биомассы, чем при выращивании по отдельности, даже если им достаточно воды и питательных веществ» [127]. Они используют больше CO₂, образуют более плотные корневые системы, создают более обширные кроны и, следовательно, происходит больше фотосинтеза, хранят больше воды как внутри, так и в почве, и привлекают более широкий круг почвенных организмов. Бухнер делает

вывод: «Сообщество растений представляет собой гораздо больше, чем сумма его частей» [128].

Кроме того, что деревья создают дождь, они обычно используют только одну треть воды, которую достают из почвы, для себя. Остальные две трети предназначены для когорты дерева [129]. И это касается не только воды. «Растения всегда производят больше фитохимикатов, чем им нужно для собственного здоровья: эти химические вещества попадают в растительные сообщества и экосистемы и их поддерживают» [130]. Химические вещества, выделяемые растениями, переносятся по воздуху или почвой, влияют на прорастание семян, использование митохондриального кислорода, дыхание бактерий и их рост, дыхание растений и образование гуминовых кислот. Они буквально контролируют жизнь на земле.

Растения могут не реагировать так, как это делают виды, способные передвигаться, но они реагируют. Они перемещаются со скоростью, которую нам сложно понять. Начните с того, что растения могут жить тысячи лет. В Тасмании растет 43 000-летний кустарник холли, известны креозотовый куст, которому 18 000 лет, а также травяная колония, которой 1000 лет [131]. Это непостижимо для человеческого восприятия времени.

Бунер пишет: «Растения и растительные сообщества обладают огромными способностями к движению ... движение демонстрирует их намерения ... они могут пересекать тысячи миль, когда у них есть мотив, и ... их модели движения не случайны, а определяются крупномасштабными петлями обратной связи, возраст которых составляет миллионы лет. В краткосрочной перспективе: растения, которые нуждаются в поддержке, будут расти в том направлении, где есть на что опереться, и если подпорки сместить, то и растения будут менять направление. В долгосрочных масштабах перемещение может быть еще более выраженным, хотя это труднее увидеть ... Растения циркулируют по экосистемам, между экосистемами и между континентами; самое большое расстояние, преодоленное семенами (без помощи человека) составляет 15 000 миль. Фактически, растения перемещаются по суше и на расстояния, которые не могут объяснить ни динамика рассеивания семян, ни математика. Места, в которые они перемещаются, и то, как они самоорганизуются в экосистемы, не случайны [132].

В какой момент вы, вегетарианец или мясоед, готовы признать, что растения разумны? Когда вы узнаете, что дерево, подвергнутое кольцеванию умрет, если оно растет само по себе, но проживёт много лет, если окружено выбранным им сообществом? Другие растения будут отправлять раненому дереву «углерод, фосфор, сахара и многое другое» [133]. Как это отличается от китов, поднимающих больных особей на поверхность? Почему мы не хотим включать растения в наш круг? 50% наших ДНК совпадают.

Или подумайте о поведении елей, когда они подвергаются нападению со стороны еловых глистов. Большинство деревьев производят терпены, которые убивают глистов, но некоторые деревья этого не делают. Эти деревья не больны и не повреждены. Ученые обнаружили, что деревья способны производить необходимые защитные вещества. Они просто решили не делать этого. Почему? «Когда антифидинги вырабатываются не во всех деревьях, у еловых почечных глистов в этом лесу не развивается устойчивость к таким веществам, как это происходит с сельскохозяйственными культурами, если насекомые подвергаются воздействию пестицидов. Растительные сообщества буквально выделяют некоторые растения на корм насекомым, чтобы не вызывать генетическую перестройку и развитие устойчивости» [134]. Как еще можно описать это поведение (думаю, вы согласитесь, что это поведение, а не явление), не признавая, что эти деревья умышленно жертвуют собой ради блага сообщества?

Понимание почти всех неиндустриальных культур заключается в том, что «люди являются потомками растений» [135]. Некоторые культуры считают деревья нашими прародителями. С точки зрения эволюции, это простая истина, но именно ее наша культура, включая субкультуру вегетарианцев, старается забыть, даже когда наука это подтверждает. Но есть те из нас, кто еще помнит:

Представители совершенно разных непромышленных культур, которые занимались травничеством, вегеталисты (так называют шаманов-травников Амазонки - прим. пер.) описывали свой опыт удивительно одинаково независимо от культуры, континентов или времени. Подавляющее большинство ... опрошенных, рассказали, что они не получали свои знания о целебных свойствах растений через использование разума или методом проб и ошибок. Они были единодушны в том, что их личное и культурное знание о специфических воздействиях растений

приходило через «неординарные» переживания, таких как сны, видения, прямые сообщения от растений или священных существ” [136].

В моменте, когда наука и древняя мудрость пересекаются, есть нечто глубинное. Нобелевский лауреат Барбара МакКлинток, которая изучала генетику кукурузы, сказала, что именно кукуруза рассказала ей то, что ей нужно было знать. Все, о чем она просила взамен - это забота и уважение [137]. “Кукуруза нам - родитель и старейшина, - объясняет Патриция Гонсалес Патзин, - Многие традиционные народы говорят о кукурузе как о живом существе, каждый початок уникален подобно человеку” [138]. Индейцы виннебаго верят, что «когда собираешь растение как лекарство, скажи ему, какое действие ты хочешь от него получить и попроси его раскрыть свою силу, и оно сделает это ради тебя» [139]. Ирокезов учат просить лекарственные растения о помощи. Они верят, что одно растение расскажет об этом другим, и они ответят, предложив больше целительной силы. Племена чероки и крик говорят: так как мы дети растений, они пожалеют нас и помогут.

“В этом заложена глубокая мудрость, - пишет Бунер - Понимание того, что мы являемся потомками, детьми растений, естественно, порождает семейную связь. Это смещает фокус наших отношений к растениям как к ресурсам на то, что они являются старшими, заботливыми членами одной семьи. Более того, сила у растений, а не у нас. Мы их дети; они не наша собственность” [140].

Это знание, эту мудрость нам необходимо помнить, если мы хотим создать экоустойчивое общество. Механистическая модель Земли как «сферы с ресурсами, населенной людьми, несущаяся в космическом пространстве» [141] создала мертвые зоны, пустыни и вымершие виды - наших родителей, наших братьев и сестер. Моральные вегетарианцы доказали свою готовность пойти на этический риск и личные жертвы. Их стремления к справедливости, защите животных и планеты глубоки и тверды. Я знаю, насколько глубоки и тверды, потому что они живут и во мне; они столь сильны и инстинктивны, как у лосося, ищущего дом. Я не подвергаю преданность и честность вегетарианцев сомнению. Но вегетарианская этика все же является вариацией механистической модели. Она просто распространяет нашу мораль, будь то гуманистическую или

религиозную, на некоторые другие виды, похожие на нас. Остальной мир - живые, разумные, способные общаться, производящие кислород и почву, дожди и биомассу - эти миллиарды существ не в счет. Они создают жизнь, и они - жизнь, но вегетарианская этика, а вместе с этим и весь мир, объявляет их мертвой материей. Несмотря на непреодолимое стремление вегетарианцев создать справедливое и сострадательное общество, их этика все еще является частью парадигмы, разрушающей мир.

Где я собиралась провести черту? Это был главный вопрос, моя личная политическая и духовная агония. Млекопитающие, рыбы, насекомые, растения, планктон, бактерии? Будут ли самые малые формы включены в "нас"? И если бы каждое «что» стало «кем», то что я могла бы есть?

Наконец-то у меня есть ответ. Я не собираюсь проводить черту. Я собираюсь нарисовать круг.

Это так просто. Проста и моя веганская мораль: нам нужно быть частью мира, чтобы узнать его. И когда мы присоединяемся, когда мы принимаем участие, мы замечаем, что жизнь и смерть не могут быть разделены также, как день и ночь. Я буду открыто признавать, что кто-то умирает, чтобы накормить меня, и я сделаю все возможное, чтобы это были лишь отдельные существа, о которых заботятся, которых уважают, а не целый вид; чтобы эта почва - результат труда наших предков за полмиллиарда лет, была сохранена, а не разрушена; чтобы реки сохраняли свои воды и водно-болотистые угодья, и чтобы нефть оставалась в земле. Только тогда я смогу стать по-настоящему взрослой. Круг превращается в спираль, движущуюся в пространстве и времени - это еще одни наши партнеры в этом космическом проекте. Сама спираль уже сложна, а жизнь - ее создание, ее поддержание - намного сложнее, чем то, что человеческий мозг способен постичь. И спираль должна разветвляться и распадаться до фракталов, контактирующих, взаимодействующих, отвечающих, пока не превратится в сеть. Но сеть все еще статична, а жизнь изменчива. Каждая отдельная жизнь, драгоценная для ее носителя, начнется и

закончится, точно так же, как каждый вид, каждая гора, каждая звезда умрет. В конце концов, эта черта и не сеть вовсе, - это поток, живая река, а мы лодчники, высадившиеся на ее поверхности и ожидающие, когда рыба проглотит нас, чтобы забрать домой.

Источники

Глава 1

1 Mollison, Bill. *Permaculture: A Designer's Manual*. Tyalgum, NSW: Tagari Publications, 1988, p. 205.

2 Paulson, Tom. "The Lowdown on Topsoil: It's Disappearing." *Seattle Post Intelligencer*, Tuesday, January 22, 2008. http://seattlepi.nwsource.com/local/348200_dirt22.html (accessed February 2, 2008).

3 Manning, Richard. *Against the Grain: How Agriculture Has Hijacked Civilization*. New York: North Point Press, 2004, p. 24.

4 Бюро по переписи населения США считает фермерство стилистически незначимым видом деятельности.

5 Prechtel, Martin. *Long Life, Honey in the Heart*. New York: Thorsons, 2002, p. 347-349.

6 Salatin, Joel. "Balance: Stability for Your Life and Farm." *Acres USA* 34, no. 1, January 2004.

7 Lappé, Frances Moore. *Diet for a Small Planet*, 10th Anniversary Edition. New York: Ballantine Books, 1982, p. 70.

8 См главу 3.

Глава 2

1 Первый взнос за ипотечное жилье в приличном районе по версии яблони.

2 Åredale, Tord. "Why Become a Fruitarian?" *Fruitarian Universal Network*. <http://hem.fyrlistorg.com/fruitarian/why.html> (accessed

March 27, 2007)

3 “What is a Fruitarian?” <http://www.acorn.net/fruitarian/what.html#nonviolent> (accessed on February 3, 2007)

4 Pollan, Michael. *The Botany of Desire*. New York: Random House, 2001, p. 55.

5 Åredale, Tord. “Why Become a Fruitarian?” *Fruitarian Universal Network*. <http://hem.fyristory.com/fruitarian/why.html> (accessed March 27, 2007)

6 Для незнакомых с садоводством. Фруктовые деревья, которые вы могли видеть у соседей, скорее всего были куплены саженцами. Лишь немногие садоводы сами прививают деревья и выращивают их из черенков.

7 “What is a Fruitarian?” <http://www.acorn.net/fruitarian/what.html#nonviolent> (accessed on February 3, 2007)

8 Stout, Ruth. *The Ruth Stout No-Work Garden Book*. Emmaeus, PA: Rodale Press, 1971.

9 Mollison, Bill. *Permaculture: A Designer's Manual*. Tyalgum, NSW: Tagari Publications, 1988.

10 Там же, p. 205.

11 Там же, p. 207.

12 Buhner, Stephen Harrod. *The Lost Language of Plants: The Ecological Importance of Plant Medicines to Life on Earth*. White River Junction, VT: Chelsea Green, 2002, p. 165.

13 Mollison, Bill. *Permaculture: A Designer's Manual*. Tyalgum, NSW: Tagari Publications, 1988, p. 205

14 Buhner, Stephen Harrod. *The Lost Language of Plants: The Ecological Importance of Plant Medicines to Life on Earth*. White River Junction, VT: Chelsea Green, 2002, p. 165.

15 Stoll, Steven. *Larding the Lean Earth: Soil and Society in Nineteenth-Century America*. New York: Hill and Wang, 2002.

16 Для незнакомых с садоводством, салат перерастает, когда становится тепло и растение выпускает стрелку с цветами практически за ночь, чтобы разбросить созревшие семена. При этом листья становятся слишком горькими. Так растение защищает себя в критически важный момент от поедания.

17 Mollison, Bill. *Permaculture: A Designer's Manual*. Tyalgum, NSW: Tagari Publications, 1988, p. 192.

18 Там же, p.192.

19 Phillips, Michael. *The Apple Grower: A Guide for the Organic Orchardist*. White River Junction, VT: Chelsea Green Publishing Company, 1998, p. 30.

20 Pollan, Michael. *The Botany of Desire*. New York: Random House, 2001 p. xvi.

21 Там же.

22 Там же, p. xxi.

23 Pollan, Michael., *The Omnivore's Dilemma: A Natural History of Four Meals*. New York: Penguin Press, 2006, p. 323.

24 Williams, Ted "Wanted: More Hunters," *Audubon Magazine*, 104, no. 2, March 2002, <http://www.magazine.audubon.org/incite/incite0203.html> (accessed July 17, 2007)

25 Pollan, Michael., *The Omnivore's Dilemma: A Natural History of Four Meals*. New York: Penguin Press, 2006, p. 322.

26 Caufield, Catherine. In *the Rainforest: Report from a Strange, Beautiful, Imperiled World*. Chicago: University of Chicago Press, 1991, p. 53.

27 Rindos, David. *Origins of Agriculture: An Evolutionary Perspective*. New York: Academic Press, 1984

28 Steckel, Richard H., and Jerome C. Rose. "Introduction." *The Backbone of History*. New York: Cambridge University Press, 2002., p. 4.

29 Manning, Richard. *Against the Grain: How Agriculture Has Hijacked Civilization*. New York: North Point Press, 2004, p. 37.

30 Sahlins, Marshall. *Stone Age Economics*. Piscataway, NJ: Aldine Transactions, 1972.

31 Price, Douglas T., and Anne Birgitte Gebauer. *Last Hunters, First Farmers*. Santa Fe: School of American Research Press, 1995, p. 191.

32 Pollan, Michael. *The Botany of Desire*. New York: Random House, 2001, p.117.

33 Buhner, Stephen Harrod. *The Lost Language of Plants: The Ecological Importance of Plant Medicines to Life on Earth*. White River Junction, VT: Chelsea Green, 2002, p. 199.

34 Allport, Susan. *The Primal Feast: Food, Sex, Foraging and Love*. New York: Harmony Books, 2000., p. 121.

35 Wadley, G. and A. Martin. "The Origins of Agriculture—A Biological Perspective and a New Hypothesis." *Australian Biologist*, June 1993, p. 96-105.

36 Eades, Michael R., M.D., and Mary Dan Eades, M.D. *Protein Power*. New York: Bantam Books, 1999.

37 Так называемая “Великая пахота” была начата еще задолго до изобретения двигателя внутреннего сгорания. Больше миллиона акров прерий было уничтожено людьми, шедшими за тягловым скотом.

38 Stoll, Steven. *Larding the Lean Earth: Soil and Society in Nineteenth-Century America*. New York: Hill and Wang, 2002, p. 30.

39 Paulson, Tom. “The Lowdown on Topsoil: It’s Disappearing.” *Seattle Post Intelligencer*, Tuesday, January 22, 2008. http://seattlepi.nwsource.com/local/348200_dirt22.html (accessed February 2, 2008).

40 Hillel, Daniel. *Out of the Earth: Civilization and the Life of the Soil*. New York: The Free Press, 1991, p. 50.

41 Там же, p. 75.

42 Там же, p. 4.

43 Там же, p. 4.

44 Там же, p. 107.

45 Там же, p. 107.

46 Там же, p. 103.

47 Manning, Richard. *Against the Grain: How Agriculture Has Hijacked Civilization*. New York: North Point Press, 2004, p. 40.

48 “Malaria Facts/CDC Malaria.” *Centers for Disease Control and Prevention*. <http://www.cdc.gov/malaria/facts.htm> (accessed on June 14, 2007).

49 Stoll, Steven. *Larding the Lean Earth: Soil and Society in Nineteenth-Century America*. New York: Hill and Wang, 2002, p. 14.

50 Hillel, Daniel. *Out of the Earth: Civilization and the Life of the Soil*. New York: The Free Press, 1991, p. 106.

51 "Prairies of Illinois." Illinois Department of Natural Resources. <http://dnr.state.il.us/conservation/naturalheritage/florafauna/document.htm> (accessed on June 14, 2007).

52 "Tallgrass Prairie Project." *Nebraska Wildlife Federation*. <http://www.nebraskawildlife.org> (accessed on April 17, 2007).

53 Tatum, Terry. "The Mystery of the Swamp Tree." *Georgia Wildlife Federation*. <http://www.gwf.org/programs/swamptree.html> (accessed on July 2, 2007).

54 Ferber, Dan. "Duck Soup," *Audubon* 108, no.3, May-June 2006, p. 24.

55 "Loblolly Marsh Wetland Preserve." *Limberlost Swamp Dedication Celebration*. <http://www.tentativetimes.net/porter/dedicate.html> (accessed on July 23, 2007).

56 Jackson, Wes. *New Roots for Agriculture*. Lincoln, NE: University of Nebraska Press, 1981, p 4.

57 Purdy, Mark. "The Vegan Ecological Wasteland." <http://www.westonaprice.org/farming/wasteland.html> (accessed July 29, 2007).

58 Mollison, Bill. *Permaculture: A Designer's Manual*. Tyalgum, NSW: Tagari Publications, 1988, p. 183.

59 Hillel, Daniel. *Out of the Earth: Civilization and the Life of the Soil*. New York: The Free Press, 1991, p. 163.

60 Jackson, Wes. *New Roots for Agriculture*. Lincoln, NE: University of Nebraska Press, 1981, p. 113.

61 Там же, p. 121.

62 Mollison, Bill. *Permaculture: A Designer's Manual*. Tyalgum, NSW: Tagari Publications, 1988, p. 183.

63 Hillel, Daniel. *Out of the Earth: Civilization and the Life of the Soil*. New York: The Free Press, 1991, p. 82.

64 "Swainson's Warbler." *Cornell Lab of Ornithology All About Birds*. <http://www.birds.cornell.edu/> (accessed on July 16, 2007).

65 Pearce, Fred. *When the Rivers Run Dry: Water—The Defining Crisis of the Twenty-first Century*. Boston: Beacon Press, 2006, p. 24.

66 Там же, p. 24.

67 Там же, p. 24.

68 Там же, p. 30.

69 Там же, p. 24.

70 Там же, p. 109.

71 Там же, p. 110.

72 Там же, p. 3.

73 А вы знали, что когда-то в дельте реки Колорадо водились бобры и ягуары? А вы знали, что у Колорадо была дельта? Ей недолго осталось: с 1993 года Колорадо ни разу не достигла своей дельты. Там же, p. 196.

74 Там же., p. 48.

75 Там же, p. 83.

76 Там же, p. 84.

77 Williams, Ted. "The Last Line of Defense." *Audubon Magazine* 108, no. 3, May-June 2006, p. 56.

78 Ferber, Dan. "Duck Soup," *Audubon* 108, no.3, May-June 2006, p. 24.

79 Williams, Ted. "The Last Line of Defense." *Audubon Magazine* 108, no. 3, May-June 2006, p. 57.

80 Williams, Ted. "America's River." *Audubon Magazine* 108, no. 3, May-June 2006, p. 30.

81 "The Struggle to Save Salmon in the Klamath Basin." *The Pacific Coast Federation of Fishermen's Association*. <http://www.pcffa.org/klamath.htm> (accessed on June 27, 2007)

82 "Keystone Species." *Wikipedia*. en.wikipedia.org/wiki/Keystone_species (accessed on November 12, 2008)

83 "2002 Fish Die-Off Facts & Articles." *Our Klamath Basin Water Crisis*. <http://www.klamathforestalliance.org> (accessed on July 3, 2007)

84 Jensen, Derrick. *Endgame*. New York: Seven Stories Press, 2006, p. 696. Если вы не читали эту книгу, отложите мою и прочтите.

85 Donahue, Brian. *Reclaiming the Commons: Community Farms and Forests in a New England Town*. New Haven: Yale University Press, 2001. Обратите внимание на главу 5 "The Town Forest," pp. 217- 278.

86 Там же, p. 249.

87 Статус женщин имеет наибольший потенциал в сдерживании роста населения.

88 Я прежде всего имею ввиду себя.

89 Brumberg, Joan Jackson. *Fasting Girls: The History of Anorexia Nervosa*. New York: Penguin Books, 1988, p. 63.

90 К счастью, сайт больше не открывается. Я надеюсь, что это свидетельство выздоровления Питера, а не его смерти.

91 “Inedia.” Остальные цитаты праноедов взяты из этой же статьи.

92 Я выращивала и неплеменных кур, и корнуэльской породы, и могу лично подтвердить невероятно быстрый рост корнуэлов.

93 См. Главу 4.

94 Цитата из Buhner, Stephen Harrod. *The Lost Language of Plants: The Ecological Importance of Plant Medicines to Life on Earth*. White River Junction, VT: Chelsea Green, 2002, p. 39.

95 Prentice, Jessica. *Full Moon Feast: Food and the Hunger for Connection*. White River Junction, VT: Chelsea Green Publishing Company, 2006, p. 215.

96 Vidal, Gore. “At Home, 1988,” in James A. Haught, ed., *2000 Years of Disbelief: Famous People with the Courage to Doubt*. Amherst, NY: Prometheus Books, 1996.

97 См. Главу 3.

98 Merchant, Carolyn. *The Death of Nature: Women, Ecology, and the Scientific Revolution*. New York: HarperOne, 1990.

99 Hochschild, Adam. *Bury the Chains: Prophets and Rebels in the Fight to Free an Empire’s Slaves*. New York: Houghton Mifflin, 2005, p. 2.

100 Malmstrom, Frederick V. "Close Encounters of the Facial Kind." *Skeptic*. http://www.skeptic.com/the_magazine/featured_articles/v11n4_alien_faces.html (accessed on April 8, 2007).

101 Scrunton, Roger. *Animal Rights and Wrongs*. London: Claridge Press Ltd, 1996, p. 127.

102 Pollan, Michael. *The Omnivore's Dilemma: A Natural History of Four Meals*. New York: Penguin Press, 2006, p. 321

103 Roosevelt, Theodore. *African Game Trails: An Account of the African Wanderings of an American Hunter-Naturalist*. New York: St. Martin's Press, 1988, p. 240.

104 Pollan, Michael. *The Omnivore's Dilemma: A Natural History of Four Meals*. New York: Penguin Press, 2006, p. 321.

105 Там же, p. 322.

106 Родственники пойманной дельфинихи будут пытаться спасти ее.

107 Margulis, Lynn and Dorion Sagan. *What Is Life?* New York: Simon and Schuster, 1995.

108 Jensen, Derrick. *Endgame*. New York: Seven Stories Press, 2006, p. 138.

109 "Bacteria and Human Body Weight." *Google Answers*. <http://answers.google.com/answers/threadview?id=208733> (accessed on December 17, 2007).

110 Kemmerer, Lisa. "Hunting Tradition: Treaties, Law, and Subsistence Killing," <http://www.animalliberationfront.com/Practical/Fishing-Hunting/Hunting/Hunting%20Tradition.htm> (accessed on August 14, 2007).

111 Lauck, Joanne Elizabeth. *The Voice of the Infinite in the Small: Re-Visioning the Insect-Human Connection*. Boston: Shambhala, 2002, p. 30.

112 Там же, p. 22.

113 Berry, Thomas. "Forward," in Joanne Elizabeth Lauck, *The Voice of the Infinite in the Small: Re-Visioning the Insect-Human Connection*. Boston: Shambhala, 2002, p. xiii.

114 Siegel, Robert. "Exploring Lincoln's Melancholy." *NPR*. www.npr.org/templates/story/story.php?storyId=4976127 (accessed on October 13, 2007).

115 Buhner, Stephen Harrod. *The Lost Language of Plants: The Ecological Importance of Plant Medicines to Life on Earth*. White River Junction, VT: Chelsea Green, 2002, p. 142.

116 Там же, p. 43.

117 Lauck, Joanne Elizabeth. *The Voice of the Infinite in the Small: Re-Visioning the Insect-Human Connection*. Boston: Shambhala, 2002,, p. xvi.

118 Buhner, Stephen Harrod. *The Lost Language of Plants: The Ecological Importance of Plant Medicines to Life on Earth*. White River Junction, VT: Chelsea Green, 2002, p.145.

119 Allport, Susan. *The Primal Feast: Food, Sex, Foraging and Love*. New York: Harmony Books, 2000, p.108.

120 Buhner, Stephen Harrod. *The Lost Language of Plants: The Ecological Importance of Plant Medicines to Life on Earth*. White River Junction, VT: Chelsea Green, 2002, p.190.

121 Там же, p. 196.

122 Там же, p. 172.

123 Там же, р. 162.

124 Там же, р. 181.

125 Там же, р. 183.

126 Там же, р. 183.

127 Там же, р. 184.

128 Там же, р. 24.

129 Там же, р. 145.

130 Там же, р. 196.

131 Там же, р. 172.

132 Там же, р. 175.

133 Там же, р. 197.

134 Там же, р. 189.

135 Там же, р. 37.

136 Там же, р. 33.

137 Там же, р. 228.

138 Patzin, Patrisia Gonzales. "Corn Is Our Parent and Elder."
<http://hometown.aol.com/xcolumn/myhomepage/> (accessed on October 23, 2007).

139 Buhner, Stephen Harrod. *The Lost Language of Plants: The Ecological Importance of Plant Medicines to Life on Earth*. White River Junction, VT: Chelsea Green, 2002, p. 228.

140 Там же, р. 228.

141 Там же, р. 172.